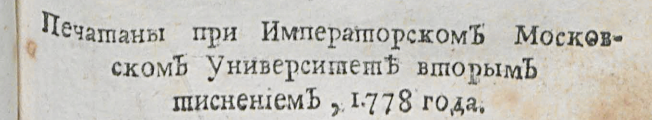
ТЫСЯЧА
и
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ,

Часть четвертая.

Переведены
съ
Французскаго.



Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ вторымъ тисненіемъ, 1778 года.

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

* * *

* * * * * *

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Безъ сомнѣнія ожидали отъ меня сочиненія столь же пространнаго, какъ сказки Арабскія или Персидскія. Я воображаю себѣ, видѣть читателя во удивленіи, а можетъ быть и съ досадою, что находитъ онъ въ сей части окончаніе исторіи, котораго не иначе онъ надѣялся видѣть, какъ по многоразличнымъ другимъ похожденіямъ. Сей небольшой гнѣвъ почитая я пріятнымъ; ибо оной доказываетъ, что сіе чтеніе ему не наскучило; однако признаю за нужно принести въ моемъ трудѣ оговорку. Хотя сія книга и названа ТЫСЯЧА и ОДНА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА, но естьли объ ономъ разсудить, то ясно увидятъ, что не было моего намѣренія издавать на свѣтъ всѣ повѣсти, расказываемыя Царю Астраханскому. Тому ужѐ прошло больше двухъ лѣтъ, какъ я о томъ упомянулъ въ первой моей части, что Докторъ Абюбекеръ поѣхалъ въ островъ Серендибъ, какъ Бенъ-Эридунъ предпріялъ забавлять Шемсъ-Эддина по причинѣ лишенія

шенія его жены и зрѣнія своего. Такимъ образомъ могу я положить, что прошло болѣе девяти сотъ четвертей часа въ другихъ разговорахъ; и я не о сихъ возамѣрился увѣдомлять читателя, но единственно о тѣхъ, кои препроводилъ Бенъ-Эридунъ съ Царемъ Астраханскимъ. Щастливымъ бы себя я почелъ, естьлибъ читатель столько же оными забавлялся, какъ, сколько можно то думать, Шемсъ-Эддинъ получилъ отъ того себѣ веселья, и естьли одинъ только недостатокъ приписывать будутъ сочинителю въ краткости сочиненія.

ПРО-

ПРОДОЛЖЕНІЕ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ ЧЕТВЕРТИ ЧАСА.

ШЕСТИДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

*
* *

Какое варварство! вскричалъ Фарукъ: Государи мои, сказалъ онъ вельможамъ Турскимъ: я отрицаюсь отъ престола, когда должно оной пріобрѣсть

обрѣсть такимъ безчеловѣчнымъ дѣломъ. Пусть царствуютъ мои братья, я взирать буду на ихъ благополучіе безъ зависти; но никогда не оскверню руки моей въ толь безбожномъ дѣлѣ, какое они учинили.

Гурскіе вельможи и весь народъ чрезвычайно тому удивились, и столь чувствительно тронуты были великодушіемъ Фарука, что всѣ единогласно принуждали Календера приговорить въ его пользу. Въ семъ-то и намѣреніе мое состояло, сказалъ имъ разумной старикъ, и я избралъ сіе средство только для того, чтобъ вы сами очевиднѣе могли разсудить, который изъ сихъ Принцовъ достоинъ былъ владѣть престоломъ. Человѣколюбіе и набожность, должны быть первыя добродѣтели въ Царѣ; а Фарукъ толь ясно доказалъ опы-

ты

ты тому самимъ дѣломъ, что я бы опасался прогнѣвать великаго нашего пророка, когдабъ единодушно съ вами не избралъ его на царство.

По сему Календерову приговору слышны были тысячекратно радостныя восклицанія, и три Принца вышли изъ города со стыдомъ и великимъ смущеніемъ. Они были въ отчаяніи, что не только исключены были отъ престола гласомъ народа; но что еще по жадности своей къ царствованію, такое учинили богомерзское дѣло, которому сами они ужасались; и вознамѣрясь истребить Фарука, вышли они изъ Гура въ тѣхъ мысляхъ, что какбы нибудь оное предпріятіе исполнить.

Между тѣмъ народъ присягалъ въ вѣрности новому Царю. Онъ

сдѣлалъ своему отцу великолѣпное погребенiе, и хотѣлъ удержать Календера при себѣ; но сей старой мужъ просилъ его отъ того освободить. Можетъ быть, подумали бы, милостивой Государь, говорилъ онъ ему, что милость, которую бы стали вы мнѣ оказывать, была награжденiемъ корыстолюбиваго моего снисхожденiя, разсудивъ въ вашу пользу; а я хочу доказать, что оное я сдѣлалъ единственно слѣдуя разсужденiю моей совѣсти, и безъ всякой корыстной причины. Дай Боже, чтобъ царствованiе ваше было благополучное, и чтобъ до послѣдняго дня вашей жизни Ангели, записывающiе всѣ ваши слова, ни одного такого не слыхали, которое бы противно было Богу. Проговоря сiе, Календеръ не желая получить отъ Царя никакого награжденiя, изъ Гура вышелъ.

Про-

Прошло около трехъ мѣсяцовъ, милостивѣйшій Государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, что Фарукъ царствовалъ спокойно, и что своею кротостію и провосудіемъ дѣлалъ благополучіе своихъ подданныхъ: какъ его братья напали нечаянно на городъ въ одну весьма темную ночь, больше нежели съ шестью тысячами человѣкъ, изъ которыхъ бо́льшая половина была Арапскихъ разбойниковъ. Страхъ сдѣлался столь общій, что сіи злодѣи пользуясь смятеніемъ, разсѣяннымъ по всему городу, умерщвляли все то, что ярости ихъ ни попадалось; но между тѣмъ, какъ упражнялись они въ разграбленіи, Фарукъ собравъ, сколько можно было, Офицеровъ и солдатъ, бросился съ своей стороны какъ левъ на своихъ непріятелей; онъ оказалъ всѣ дѣла мужества храбрѣйшаго человѣка; но

видя почти всѣхъ своихъ побитыхъ вкругъ себя, а притомъ было бы и безразсудно повергать больше себя опасности, перемѣнился онъ своимъ платьемъ съ однимъ Арапомъ, котораго убилъ онъ изъ своей руки, и сдѣлавъ лице его безобразнымъ, удалился только онъ одинъ отъ Гура, и искалъ своего спасенія въ бѣгствѣ.

Вскорѣ потомъ сей ужасной ночи наступилъ день; кровь видна была текущая ручьями по всему городу, и Арапы нашедши между мертвыми не только того, котораго почитали они за Фарука, въ разсужденіи богатаго его платья, но притомъ Сюффрака, Кобада и Бзармегера, которые всѣ трое погибли на сраженіи по неизбѣжному конечно правосудію Божію, разграбили все, и умертвили, не разбирая ни

лѣтъ, ни пола до одного почти человѣка, и разложили огонь съ четырехъ угловъ и посреди города, который горѣвъ чрезъ три дни, обратился на конецъ въ пепелъ.

Несчастной Фарукъ, лишившись не только престола, но и приведенъ еще будучи до крайней бѣдности, не могъ отдалиться отъ Гура безъ пролитія слезъ. Пламя, усмотренное имъ издалий, лишило его всей надежды вступить когда либо на престолъ своихъ предковъ; и онъ пошелъ отъ сего ужаснаго для него мѣста въ намѣреніи скрывать свои нещастія отъ всего свѣта.

Минуло уже три дни, что сей Принцъ шелъ по малопроѣзжимъ дорогамъ, какъ увидѣлъ онъ двухъ Календеровъ, сидящихъ на берегу источника, и утоляющихъ свой

голодъ легкою пищею: онъ подошелъ къ нимъ, и доказывая своимъ молчаніемъ, что онъ имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи себя пищею, просили они его сѣсть подлѣ себя. Фарукъ, умирая почти съ голоду, вторичнаго потчиванья не дожидался; онъ убралъ въ весьма короткое время все, что Календеры у себя провіанта ни имѣли.

Когда Принцъ насытился, то поджалъ свои рýки, и потупя глазà въ землю, столь углубился въ печальныхъ своихъ мысляхъ, что былъ около часа въ такомъ образѣ.

Календеры смотрѣли на него съ удивленіемъ; они чувствительно тронуты были его печалію; но напослѣдокъ старшій прервавъ молчаніе, говорилъ ему: другъ мой! намъ столько чувствительна глубокая

бокая твоя печаль, въ которой кажется твой духъ погруженъ, что хотя мы тебя и не больше еще одного часа знаемъ, однако нѣтъ ничего для насъ такого, чегобъ мы не въ состоянiи были предпрiять, сей молодой Календеръ и я, для вспоможенiя въ твоемъ злополучiи, и для избавленiя тебя отъ твоей задумчивости: говори, государь мой, и не отметай малой помощи; но которая, сколь бы безсильна ни была, можетъ быть сдѣлается вамъ гораздо полезнѣйшею, нежели какъ вы о томъ думаете.

Принцъ Гурской, которой до сего времени не говорилъ ни одного слова, слыша такую старикову къ услугамъ готовность, опамятовался. Великодушной Календеръ, сказалъ онъ ему, я прошу меня извинить въ моемъ невѣжествѣ; ны-

нѣшнее мое горестное состоянiе лишило меня почти ума; того ради, пожалуйте мнѣ отпустите, что я оказался неблагодарнымъ за ваше благодѣянiе; я благодарствую также васъ и за великодушныя ваши мысли, и прошу только отъ васъ одной милости, чтобъ принять меня въ ваше товарищество, и позволить мнѣ, чтобъ я жилъ съ вами по тому же пра́вилу, какое предписываетъ вамъ ваше платье. Какъ, государь мой, отвѣчалъ старикъ не много тому удивясь, неужѐ ли вы согласны быть Календеромъ? Ахъ! конечно такъ, продолжалъ Фарукъ, я въ сей же часъ наоное склоняюсь, да притомъ при нынѣшнихъ моихъ обстоятельствахъ и дѣлать мнѣ ничего другаго не осталось: вотъ одинъ перстень, которой только остался у меня отъ безчисленнаго моего богатства,

которымЪ я напредь сего владѣлЪ; я продамЪ оной при первомЪ случаѣ, и пока вестись у насЪ будутЪ эти деньги, мы будемЪ ими жить какЪ родные братья. Ты худо насЪ знаешь, отвѣчалЪ младшій изЪ двухЪ КалендеровЪ: продажа сего перстня намЪ не надобна, должно оной беречь до послѣдней крайности; мы такое имѣемЪ ремесло, что намЪ ни вЪ чемЪ нѣтЪ недостатка, только бы лишь была вЪ насЪ смѣлость, и такЪ, государь мой, береги драгоцѣнной сей камень на другой разЪ, и о пропитаніи своемЪ не заботься. Сей молодой КалендерЪ говоритЪ правду, сказалЪ старикЪ: главное наше правило состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ оставлять малое для полученія большаго; сія загадка кажется вамЪ весьма непонятна, однако я ее вамЪ растолкую: мы вЪ сей жизни имѣ-

емъ собственнаго нашего одно только увеселение, по тому что смерть принуждаетъ насъ лишаться земныхъ богатствъ: сколько несносныхъ безпокойствъ! сколько излишнихъ заботъ для сохраненія сихъ богатствъ! Какое множество непріятелей опасныхъ! Колико завистливыхъ, старающихся насъ изъ того погубить! Что же принадлежитъ до насъ, то единственно упражняясь въ правилахъ философіи, мы начинаемъ расточеніемъ всего нашего имѣнія, по крайней мѣрѣ обыкновенно дѣлаютъ такъ разумнѣйшіе между нами, и одѣвшись симъ рубищемъ, на послѣдокъ почитаемъ мы чужое имѣніе, такъ какъ надежное намъ прибѣжище. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ которой части земли Календеръ не хорошо принятъ бываетъ, только бы лишь онъ имѣлъ умъ? Найдется ли хо-

тя одинъ, взявъ отъ Царя до послѣдняго художника, которой бы не ставилъ себѣ за удовольствіе, или за честь, допустить его къ своему столу, и которой бы не подавалъ ему лучшаго куска? То правда, что надобно нѣсколько употреблять внѣшнее притворство, и совсѣмъ другимъ казаться, нежели каковъ внутри есть: но сему-то лицемѣрству долженствуемъ мы почтеніемъ, съ которымъ насъ вездѣ принимаютъ; оно-то усыпляетъ ревнивѣйшихъ мужей, и дѣлаетъ насъ пріятнымъ тѣмъ по большой части женщинамъ, которыя кромѣ насъ однихъ, никому почти не кажутся, по ослѣпленной надеждѣ къ нашему одѣянію. Однимъ словомъ, любезной мой братъ, нѣтъ пріятнѣе и разумнѣе жизни, какъ искуснаго Календера; и когда вы однажды ее отвѣдаете, то я

гораздо увѣренъ, что вы никогда другой избрать не пожелаете.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Фарукъ слушалъ старика со вниманіемъ: сколь онъ ни имѣлъ причины быть печальнымъ, однако разсужденія его призналъ разумными. Родъ вашей жизни, сказалъ онъ ему, столь мнѣ пріятенъ по одному только вашему описанію, что я нетерпѣливо желаю быть Календеромъ, и носить такое же платье. Это стоитъ только черкнуть раза четыре ножницами, такъ и дѣло сдѣлано, отвѣчалъ младшій, снимите на часокъ съ себя ваше платье, Фарукъ снявъ его отдалъ ему въ руки; онъ тотчасъ оное распоролъ, и перешивъ

весьма

весьма искусно, сей Принцъ оное взялъ, и нарядился такимъ образомъ подъ стать двумъ Календерамъ.

Какъ они весьма ужѐ долго сидѣли на берегу̀ источника, то вставши всѣ трое пошли къ ближайшему городу. Принцъ не могъ такъ скоро позабыть своихъ нещастій; онъ отъ времени до времени вздыхалъ, и старой Календеръ, примѣтивъ оное, выговаривалъ ему въ томъ, какъ за недостойное дѣло принятаго ужѐ имъ состоянія. Перестань, любезной мой братъ, сказалъ онъ ему: помни, что одѣвшись въ такое платье, долженъ ты совлечся всей человѣческой слабости, и прогонять изъ разума окружающія тебя печальныя мысли; другіе не столь бы искусившіеся какъ мы, можетъ быть, проси-

ли бы васъ раскавать имъ ваши похожденія, и безъ сомнѣнія бы сказали, что такое раскавываніе облегчило бы можетъ быть ваши нещастія: но нѣтъ ничего ложнѣе, какъ такое разсужденіе, по тому что чрезъ то пришли бы на память печальныя воображенія, которыя старатьея должно удалять. Мы въ семъ дѣлѣ принуждать васъ не будемъ, пока не усмотримъ изъ поведенія вашего, что вы совсѣмъ забыли прошедшія ваши нещастія. Прочь печаль и скука, любезной мой братъ, отбросимъ ее отъ нашего товарищества: это смертельной ядъ для души: станемъ впредь помышлять только о увеселеніи, и для того хочу я вамъ раскавать исторію моей жизни, и увѣдомить васъ, по какой причинѣ ношу я сіе платье: слушайте меня только, дорога чрезъ то, можетъ быть, покажется намъ короче. По-

ПОХОЖДЕНІЕ

Стараго Календера.

Я родился въ городѣ Бакѣ отъ одного купца, торгующаго пшеномъ, и имѣвшаго свой домъ близъ Дервишскаго монастыря: Отецъ мой былъ не весьма порядочной человѣкъ; онъ никогда почти не сиживалъ въ своей лавкѣ, и какъ торгъ его, которымъ онъ промышлялъ, не весьма ужѐ былъ знатенъ, то скоро онъ дошелъ до крайней бѣдности.

Одинъ изъ Дервишей, которой иногда прихаживалъ къ намъ, полюбилъ меня чрезвычайно; онъ сжалясь на мою бѣдность, взялъ меня къ себѣ въ монастырь, такъ что съ пяти лѣтъ моего возраста я не былъ ужѐ больше въ тягость моему отцу, которой волоча столь скуч-

скучливую жизнь, на послѣдокъ умеръ, оставя меня лѣтъ двенатцати.

Я надѣялся видѣть мою мать въ отчаянiи, и плакалъ горестно о смерти моего отца, какъ она говорила мнѣ слѣдующее: сынъ мой, наши дни изочтены, и твоя печаль не оживитъ моего мужа: перестань же проливать твои слёзы о толь мало достойномъ того человѣкѣ, и не плачь о немъ такъ какъ о твоемъ отцѣ, по тому что онъ въ томъ рожденiи ни малѣйшаго не имѣлъ участiя. Сей разговоръ меня удивилъ; я глядѣлъ пристально тогда на мою мать; ты удивляешся, сказала она мнѣ: конечно, отвѣчалъ я, да и справедливую имѣю къ тому причину, по тому что естьли сей, не давно умершiй, не былъ мой отецъ, какъ онъ всегда тѣмъ почитался, то кому же долженствую

ствую я моимъ рожденіемъ? Старому Дервишу, которой тебя воспиталъ, сказала мнѣ моя мать: ты его сынъ и мой, безъ него бы мы давно ужѐ померли съ голоду, по тому что лѣность и мотовство моего мужа, привели меня въ нищету еще до твоего рожденія: сей одинъ только Дервишъ снабдѣвалъ насъ весьма изобильно всѣмъ нужнымъ для нашего пропитанія. Я за то не неблагодарна была: Дервиши ничего даромъ не дѣлаютъ, и я не раскаиваюсь въ снисхожденіи моемъ, которое я къ нему имѣла.

Какъ мать моя еще говорила, то вошелъ Дервишъ: она ему сказала, что она мнѣ объявила, что онъ былъ мой отецъ, и сей человѣкъ обнявъ меня съ крайнею горячностію, любезной мой сынъ, сказалъ

сказалъ онъ мнѣ, будь уменъ, и почитай твою мать, вы ни въ чемъ недостатка имѣть не будете. Я соотвѣтствовалъ на ласки новаго моего отца, и прискучивъ живши до того времени у Дервишей, просилъ я его оставить меня при матери. Онъ на то согласился, далъ намъ денегъ для закупки пшена; и моя мать, живучи съ великою бережливостію, и почти на счетъ монастырской, собрала въ семь или восемь лѣтъ около четырехъ тысячь чекиновъ.

Мы имѣли въ нашемъ сосѣдствѣ весьма изрядную дѣвушку, какъ я часто о томъ слыхалъ отъ моей матери; я въ нее влюбился съ однихъ только словъ, совсѣмъ ее не видая, и искавъ случая съ нею познакомиться, я, почелъ за удобной слѣдующій случай: отецъ сей дѣвушки

при-

пришедъ къ намъ въ домъ для покупки пшеничной муки, договорился съ моею матерью, чтобъ она отпустила къ нему одинъ большой мѣшокъ, мѣрою около двенатцати четвериковъ. Малое мое искусство увѣрило меня, что сей удобной былъ случай видѣть мою любовницу; и послѣдуя единственно глупой моей страсти, при помощи одного молодаго человѣка въ мои лѣта, влезъ я въ мѣшокъ, которой велѣлъ насыпать мукою до бороды; такимъ образомъ отнесли меня передъ вечеромъ къ Калему, такъ назывался отецъ сей прекрасной дѣвушки, и поставили мѣшокъ въ углу зала, гдѣ обыкновенно они обѣдывали. Я сверьху сдѣлалъ маленькую скважинку, въ которую могъ я удобно все видѣть. Чрезъ часъ послѣ того показался Дервишъ, котораго не могъ я разсмотрѣть

въ

вЪ лицо, по тому что свѣча не кЪ той сторонѣ стояла; а за нимЪ вошли КалемЪ, жена его, и прекрасная Дженжіари - Нара, [имя моей любовницы] сЪ маленькою на рукахЪ собачкою; одинЪ невольникЪ накрылЪ скатерть, и они всѣ сѣли ужинать. Дженжіари - Нара сидѣла прямо противЪ меня, я плѣнился ею сЪ самаго того часа, какЪ она показалась, и глядѣлЪ на нее сЪ толикимЪ удивленіемЪ, что позабывЪ гдѣ я находился, вскричалЪ зглупа: О, какЪ она хороша! Сіи слова вылетѣвшія изЪ моего рта безЪ разсужденія, и которыя слышны были, не вѣдая откуда они происходили, чрезвычайно испугали всѣхЪ находившихся тогда вЪ залѣ. Они тотчасЪ вскочили, озирались на всѣ стороны, и не думая о мѣшкѣ, вЪ которомЪ сидя я чувствовалЪ всю мою глу-

пость, сѣли они опять ужинать, разговаривая о голосѣ, которой имъ почутился.

Дженжіари-Нара не сѣла ужѐ опять на прежнее свое мѣсто, я могъ ее видѣть только съ бока, и столько былъ еще не разсудливъ, что хотѣлъ въ мѣшкѣ поворотиться, чтобъ наслаждаться ея зрѣніемъ; но столь мнѣ въ томъ неудачно было, что по нещастію моему я съ мѣшкомъ покатился.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Калемъ, вся его фамилія и Дервишъ, чрезвычайно сему паденію удивились: страхъ ихъ умножился, но Дервишъ видя, что маленькая собачка жестоко лаяла на мѣшокъ,

шокѣ, тотчасъ о справедливой причинѣ страха догадался; онъ его поднялъ, и развязавъ веревку, представился я его глазамъ съ столь запачканнымъ лицемъ, что совсѣмъ меня узнать не можно было. Калемъ въ то время пришелъ въ преужасное сердце; онъ бросился за кинжалъ, висѣвшій на стѣнѣ, и подошедъ ко мнѣ хотѣлъ было меня заколоть, какъ я ему бросилъ въ глаза горсть муки, которая ослѣпила его на нѣсколько времени; а между тѣмъ успѣлъ я выскочить изъ мѣшка въ однихъ только портахъ, и схватить саблю, которая была у меня подъ пазухою. Мнѣ бы лехко было умертвить Калема и Дервиша, и самому убѣжать: да не имѣя притомъ инаго средства, я ужè саблею замахнулся, какъ взглянувъ на Дервиша, котораго до того времени

мени я еще въ лицо не видалъ, узналъ въ немъ моего отца. Ахъ, Дервишъ, вскричалъ я опустивъ мою саблю: узнай Ганифа, котораго ты по всегдашней къ нему твоей дружбѣ почиталъ за роднаго твоего сына! Я больше глупъ, нежели виноватъ; я полюбилъ прелестную Дженжіари-Нару по одной только о ея красотѣ и славѣ, и не нашедъ другаго способа, чтобъ ее видѣть кромѣ сего, по глупой своей младости, не разсудя о томъ напередъ хорошенько, влѣзъ я въ этотъ мѣшокъ, самъ не зная, какъ изъ онаго опять витти.

Дервишъ чрезвычайно удивился, видя меня въ такомъ состояніи, и Калемъ въ то время протеревъ свои глаза узналъ меня, что я былъ сынъ той торговки, у которой онъ купилъ пшеничную муку. Онъ увидѣлъ

видѣлъ тогда, что я бы дорого продалъ свою жизнь въ случаѣ нападенія на меня; но какъ Дервишъ гнѣвъ его успокоилъ, то они послѣ оба тому смѣялись. Когда сей молодой человѣкъ любитъ Дженжіари-Нару, продолжалъ Дервишъ, то пожалуй, любезной мой Калемъ, согласись отдать ему ея въ жену: онъ у матери одинъ только сынъ, я ручаюсь вамъ выпросить у матери, чтобъ она ему уступила свою лавку, въ которой товару по меньшей мѣрѣ на четыре тысячи чекиновъ; и я не думаю, чтобъ вы могли найти во всемъ городѣ зятя такъ хорошо воспитаннаго, толь честнаго и скромнаго, какъ сей дѣтина. Ахъ, вскричалъ я тогда, сего не довольно, чтобъ Калемъ на мое благополучіе согласился, я онаго не пріемлю, когда прекрасной Дженжіари-Нарѣ то

хоть

хоть мало не угодно будетЪ. Такія нѣжныя мысли Калема прельстили; добро, изволь, сказалЪ онЪ меня обнявЪ, дочь моя властна дать руку, и когда ты ей понравишся, то она сей же часЪ можетЪ совершить твое благополучіе. ТакЪ надобно напередЪ, сказалЪ ДервишЪ, чтобЪ она видѣла новаго своего любовника, каковЪ онЪ есть. ПотомЪ вышедЪ сЪ нимЪ вЪ другую комнату, я вытерся, и КалемЪ будучи почти одного со мною роста, одѣвЪ меня вЪ свое платье, вывелЪ меня кЪ своей дочери, которой столько я показался, что она охотно согласилась за меня выйти. ДервишЪ не хотя моего благополучія откладывать, послалЪ немедленно за моею матерью. Она весьма удивилась моему приключенію; моимЪ желаніямЪ не противна была, мы заключили рядную. И-

манъ обвѣнчалъ насъ того же вечера; я ночевалъ у моего тестя, и жена моя столь довольна была своимъ замужствомъ, что на другой день приготовила мнѣ на завтракъ большое блюдо бараньихъ ногъ подъ уксусомъ.

Такимъ порядкомъ, любезной мой братъ, на прекрасной Дженжіари-Нарѣ я и женился, и былъ бы щастливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, естьлибъ на противъ того не дѣлало меня самымъ нещастнѣйшимъ мое неразуміе: все поспѣшествовало моему благополучію; молодая моя жена любила меня чрезвычайно; но безъ всякой причины вздумалъ я къ ней ревновать столь сильно, что почти и вообразить того не можно. Все меня безпокоило: когда я видѣлъ, что она говорила съ моею матерью, то

думалъ,

думалЪ, что она соглашалась сЪ нею меня измѣнить: естьли дѣлала она какія непорочныя ласки Дервишу, которымЪ мы столь одолжены были, то забывалЪ вЪ то время, что онЪ былЪ мой отецЪ, и думалЪ, что онЪ имѣлЪ сЪ нею беззаконную дружбу. Что еще тебѣ сказать? Продолжалъ старой КалендерЪ, я безпрестанно ворчалЪ на Дженжіари-Нару, едва выпускалЪ ее на свѣтЪ; и хотя я ни мало не давалЪ ей покою, однако не слыхалЪ отЪ нее ни малѣйшей за то жалобы.

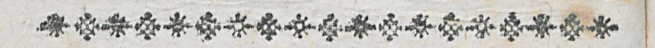
Мать моя и ДервишЪ многократно представляли мнѣ неистовство моей глупости: честная жена, говаривали они мнѣ, сама себя бережетЪ, а другому чести ея не сохранить ни запорами, ни замками, и твои непрестанныя подозрѣ-

нія могутъ ее скорѣе отъ должности своей отвратить, нежели въ оной воздержать. Я не хотѣлъ ничему вѣрить, и мои сумозбродства до того продолжались, что вознамѣрилися они какимъ бы нибудь образомъ меня отъ сей проказы излечить.

Дервишъ разговаривая въ одинъ день съ моею матерью, какъ я разсматривалъ счетныя мои книги: къ намъ пріѣхалъ третьяго дня изъ Черкасіи, сказывалъ онъ ей между разговорами, одинъ молодой Дервишъ, красоты ни въ Бакѣ еще у насъ невиданной: я думаю, что пажи, которые въ раю великаго нашего пророка имѣютъ намъ подносить понсиръ (лимоны) едва могутъ съ нимъ сравниться, по тому что такой скромности съ толикими совершенствами еще не слыхано:

жано: келья его очень близко отъ моей; сіе сосѣдство соединило насъ дружествомъ, и завтрашній день будетъ онъ у меня завтракать; пожалуйте пришлите мнѣ курицу со пшеномъ, и одно блюдо со пшеномъ же розварнымъ. Мать моя обѣщала ему то исполнить; она все оное приготовила, и на другой день послала къ моему отцу въ томъ часъ, какъ онъ ей приказывалъ. Я слышалъ весь ихъ разговоръ, и любопытствуя видѣть такого красавца, вздумалъ я быть на завтракѣ: я ни слова о томъ матери моей не говорилъ, когда блюдо съ кушеньемъ понесли, вошелъ я въ покой моей жены, которая не очень будучи здорова, лежала еще на постелѣ, и спала крѣпко. Я разбудить ее не хотѣлъ, и довольствуясь поглядѣть на нея нѣсколько, заперъ я дверь

двойнымъ замкомъ, ключь по моему обыкновенію взялъ съ собою, и пошелъ къ Дервишскому монастырю. Постучась у воротъ, спрашивалъ я стараго Дервиша: мнѣ сказали, что онъ былъ въ своей кельѣ, я побѣжалъ туда; но едва лишь я переступилъ чрезъ порогъ, какъ увидя его товарища, весь я помертвѣлъ.



ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какъ лишь скоро призналъ я всѣ черты моей жены, то упалъ отъ слабости на тростяную софу, и потирая лобъ, гдѣ я! вскричалъ я, и что это за чудо? Отецъ мой въ семъ мѣстѣ перервалъ, онъ вскочилъ весьма испугаясь, и обнявъ меня, что тебѣ сдѣлалось,

дружокъ

дружокъ мой, говорилъ онъ мнѣ, и какое затмѣнiе сдѣлалось въ твоей головѣ? Меня нѣсколько схватило, отвѣчалъ я ему, вошедъ въ вашу келью, и я поскорѣе назадъ домой пойду. Дервишъ проводилъ меня до монастырскихъ воротъ. Какъ домъ мой отъ монастыря былъ только чрезъ одну улицу, то я тотчасъ перелетѣлъ въ спальню моей жены: я не много отдохнулъ, любезной мой братъ, заставъ ее на постелѣ въ томъ же состоянiи, какъ ее оставилъ за минуту передъ тѣмъ. Я въ такомъ жестокомъ былъ восторгѣ, что ее вдругъ разбудилъ, дѣлая ей многiя ласки, которымъ и она равномѣрно же соотвѣтствовала: я не долго у нее пробылъ, и возвратясь немедленно опять въ келью моего отца, сказалъ ему, что припадокъ мой миновался, и что я

хочу съ нимъ завтракать: добро жаловать, сказалъ онъ мнѣ, мы ужѐ съ симъ прекраснымъ Дервишемъ начали! Садись съ нами за столъ, и наливай себѣ рюмку вина. Я выполоскалъ хрустальную чашку, и отецъ той хотѣлъ было взять бутылку, чтобъ мнѣ налить; какъ Черкашенинъ предупредя его, позволь, братецъ, сказалъ ему, чтобъ я ему поднесъ, я сегоднешній день хочу у васъ быть хозяиномъ. Отъ голоса сихъ словъ я весь затрепеталъ; рука моя такъ въ то время задрожала, и я глаза свои столь пристально уставилъ на сего молодаго человѣка, котораго голосъ совсѣмъ такой же былъ какъ у моей жены, что розлилъ все вино на столъ и на себя. Мнѣ вообразилось тогда претысяча горестныхъ мыслей, и оставя вдругъ Дервишей, тотчасъ пере-

перескочилъ изъ монастыря въ свой домъ, гдѣ засталъ мою жену еще на постелѣ. Я въ такомъ былъ смущеніи, что не могъ ей ни сло́ва промолвить: что тебѣ сдѣлалось, драгой свѣтъ моей жизни, сказала она мнѣ вставши отъ ужаса, не приключилось ли тебѣ чего? Скажите мнѣ поскорѣе причину вашего безпокойства?

Я нѣсколько съ силами моими собрался. Ахъ! Джекжіари-Нара, вскричалъ я, вѣроятно ли то, что я слышу? А что же ты видишь, или что слышишь, отвѣчала она? Удовольствуйте скорѣе мое любопытство. Нѣтъ, сказалъ я ей, безъ сомнѣнія я обманываюсь; дай еще аппробовать, естьли мои гла̀за̀ вѣрные свидѣтели всему произшедшему въ монастырѣ Дервишскомъ. Потомъ я ее оставилъ, и

заперевъ дверь такъ какъ и прежде, возвратился я спокойнѣе къ моему отцу: прошу меня извинить въ моемъ неучтивствѣ, сказалъ я вошедши, что толь скоропостижно я васъ оставилъ; я позабылъ оставить моей матери деньги, которыя должно неотмѣнно чрезъ четверть часа заплатить. Теперь я свободенъ отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, и ничего больше не желаю, какъ съ вами повеселиться. Очень изрядно, отвѣчалъ мой отецъ, такъ мы можемъ здѣсь весело препроводить все утро; отвѣдайте сего блюда со пшеномъ, котораго мы еще не трогали, а курицу мы ужѐ безъ васъ отправили. Я хотѣлъ было въ то время ѣсть пшено, какъ взглянувъ на Черкашенина, положивъ ложку въ мой ротъ, не въ состоянiи я былъ проглотить куска, столь удивленiе мое у-

умножилось! Это былъ точной портретъ Дженжіари-Нары; поступка, голосъ, словомъ сказать: все увѣряло меня, что ничто въ свѣтѣ сходнѣе быть не можетъ. Что съ тобою дѣлается, сынъ мой, сказалъ мнѣ тогда старой Дервишъ, ты оказываешь во всѣхъ твоихъ поступкахъ безпокойство и смущеніе толь чрезвычайное, что я не знаю какъ о тебѣ нынѣшній день заключить? Да несправедливую ли имѣю я къ тому причину? Отвѣчалъ я, видя сего молодаго Черкашенина, кто бы не подумалъ, что это моя жена; я признаюсь вамъ, что я бѣгалъ къ себѣ домой, чтобъ въ томъ удостовѣриться я оба раза заставалъ ее на постелѣ, и это бы могло меня увѣрить, но между тѣмъ чувствую я, что еще не въ силахъ переодолѣть ревности, мой духъ терзающей.

Да а Дервиша такому искреннему признанію весьма много смѣялись. Я не зналъ къ чему причесть такую забаву, какъ молодой Черкашенинъ началъ мнѣ говорить: не ужѐ ли, государь мой, малое сходство вашей жены со мною можетъ столько вашъ духъ тревожить? И пристойно ли, чтобъ ревность овладѣла вами до такой крайности, что принуждаетъ васъ дѣлать такія сумазбродства, какимъ мы близъ часа очевидные свидѣтели? Сколь сожалѣнія достойна ваша супруга; она должна имѣть безпримѣрную добродѣтель, чтобъ сносить терпѣливо недостойныя ваши подозрѣнія. Я охотно прощаю нѣжную ревность, но простирать ее до такого неистовства, какъ мнѣ сей Дервишъ расказывалъ о вашей, то правду сказать, государь мой, вы сами подаете причину вашей женѣ наказать васъ за то по достоинству.

Я слушалъ рѣчь молодаго Дервиша съ крайнимъ смущенiемъ: я началъ стыдиться прежнихъ моихъ поступокъ, и какъ будто вознамѣривался оставить Дженжiари-Нару собственной ея добродѣтели, какъ сей новой проповѣдникъ поворачиваясь оказалъ мнѣ, что у него было на ухѣ точно такое родимое пятно, какъ у моей жены.

Увидя сiе я несказанно больше прежняго взбѣсился: я вдругъ вскричалъ такъ громко, что Дервиши удивились. Ахъ! меня измѣнили, и подозрѣнiя мои основательны были. Что за нечистой духъ въ тебя вселился, сказалъ мнѣ мой отецъ, что ты съ ума сошелъ, или . . . Я не давъ времени окончить ему его представленiя, вырвался изъ его рукъ, побѣжалъ тотчасъ изъ кельи, и пришедъ домой,

засталъ мою жену, которая дѣлала лабдестъ [омывалась]. Я подошелъ къ ней съ крайнимъ смущеніемъ, и рассмотрѣвъ хорошенько пятно на ея ухѣ, ударилъ руками поднявъ глаза къ небу, и едва не упалъ въ обморокъ. Мать моя будучи въ лавкѣ, прибѣжала на сей крикъ. Онѣ обѣ спрашивали о причинѣ моего припадка и о частомъ выходѣ; но я не хотѣлъ еще имъ того объявить: пожалуйте только постарайтесь, сказалъ я моей матери, приготовить намъ обѣдать; я хочу къ себѣ позвать Черкаскаго Дервиша и съ товарищемъ его: я изъясню вамъ при нихъ, что со мною нынѣшній день случилось, и вы сами удивите, что ничто страннѣе того быть не можетъ.

Потомъ я ихъ оставилъ, и возвратясь въ монастырь, я еще

за-

заспалЪ моего отца за столомЪ сЪ своимЪ пріятелемЪ. Надобно, сказалЪ я имЪ, чистосердечно вамЪ признаться во всей моей слабости; пятно у сего молодаго Дервиша на ухЪ, возбудило всю мою ревнивость; у жены моей столь сходно на томЪ же мѢстѢ, что я еще думалЪ видѢть ее вЪ семЪ платьѢ: я побѢжалЪ вЪ томЪ изЪясниться, и слава Богу, засталЪ я ее что она очищалась; и какЪ всѢ мои подозрѢнія рѢшились, то пришелЪ я опять кЪ вамЪ сЪ духомЪ спокойнымЪ, во ожиданіи обѢда, которой прошу откушать у меня: я хочу увѢрить молодаго Дервиша, что какЪ не могутЪ они быть двойнишными сЪ моею Дженжіариною, по тому что у ея родителей только она одна дочь и была, то натура произвела между ими столь совершенное сходство, что весьма лех-

ко

ко можно ихъ одного за другаго почесть. Съ великою охотою, отвѣчалъ молодой Черкашенинъ, мнѣ весьма то пріятно будетъ; я любопытенъ видѣть такое чрезвычайное сходство, въ которомъ Дервишъ, товарищъ мой, не совсѣмъ меня увѣряетъ; но только я пойду съ такимъ уговоромъ, чтобъ никакое ревностное движеніе не препятствовало нашему веселію, по тому что я намѣренъ повеселиться, а можетъ быть и на вашъ то счетъ. О, я вамъ обѣщаю, перервалъ я его рѣчь, что вы будете у меня сами хозяева; намѣреніе мое единожды принято; я столь жестоко терзался нынѣшній день всѣми смущеніями, что хочу впредь жить спокойно. Это самое лучшее дѣло, отвѣчалъ сей молодой человѣкъ: естьлибъ я была жена, и когдабъ хотѣла обманутъ моего мужа, то всѣ его

пред-

предосторожности былибъ безполезны, объ этомъ удостоверю я васъ уже въ вашемъ домѣ. Вы меня одолжите, сказалъ я ему, я всячески постараюсь получше васъ угостить, вы не можете мнѣ большей услуги сдѣлать, какъ излечивъ меня совершенно отъ моей ревности.

Я препроводилъ около двухъ часовъ весьма пріятно съ Дервишами: но какъ обѣднее время наступило, то пошелъ я отъ нихъ для пріуготовленія у себя дома. Я хотѣлъ до прихода моихъ гостей поговорить нѣчто съ моею женою, и увѣрить ее, что она имѣетъ впредь наслаждаться честною вольностію: но разсуди, любезной мой братъ, въ какое пришелъ я несказанное удивленіе, отперевъ двери отъ ея комнаты, отъ которой ключь всегда былъ у меня, и ее тутъ не засталъ.

ШЕСТЬ-

ШЕСТЬДЕСЯТЪЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Естьли удивленіе мое было чрезвычайное не увидѣвъ тутъ моей жены, гдѣ было ей неотмѣнно быть надлежало, то оное гораздо еще больше умножилось, заставъ вмѣсто ее двухъ Дервишей, которыхъ оставилъ я въ монастырѣ. Я увидя сіе, отъ страха былъ весь неподвиженъ, и неминуемо бы покатился на полъ, когдабы не поддержала меня мать моя, которая шла за мною слѣдомъ, и подхватила меня подъ руки. Я весьма долгое время не могъ промолвить ниодного слова; но на послѣдокъ не много опамятуясь; о небо! вскричалъ я, не грежу ли я, или не еще ли ослѣпляетъ глаза мои дьяволъ, который цѣлое утро меня терзаетъ? Нѣтъ, нѣтъ, любезной мой Ганифъ, отвѣчалъ старой Дервишъ, отецъ

мой,

мой, ты очень не бредишь; нѣсколько употреблено хитрости въ этомъ дѣлѣ: ревность твоя столь была смѣшна, что мы вознамѣрились оную истребить; я сговорился съ твоею матерью и съ твоею женою во всемъ томъ что нынѣшнее утро ни происходило: ты весьма изрядно соотвѣтствовалъ нашимъ намѣреніямъ, и прекрасной Дервишъ, который тебя столько обезпокоивалъ, есть самая несравненная Дженжіари-Нара: это безъ сомнѣнія кажется тебѣ не понятно, и я увѣренъ, что ты съ трудомъ вѣришь моимъ словамъ; но лехко въ томъ тебѣ подать нужное изъясненіе. Ахъ! нижайше васъ прошу, отвѣчалъ я съ нетерпѣливостію, растолкуйте мнѣ поскорѣе, какъ это возможно, чтобъ моя жена была на своей постелѣ и въ вашей кельѣ, и чтобъ въ одинъ часъ видѣлъ

дѣлъ я ее въ ночномъ платьѣ и въ одѣяніи Дервишскомъ. Я удовольствую твое любопытство, сказалъ мнѣ мой отецъ.

Дженжіари-Нарѣ не безъизвѣстно, что я твой отецъ, я принужденъ былъ объявить ей тайну твоего рожденія, чтобъ преклонить ее къ нашему намѣренію. Надобно тебѣ знать, что покойной мужъ твоей матери бывалъ иногда ревнивъ; безвременныя его ворчанья часто уничтоживали предпріятія наши, чтобъ видѣться намъ; это намъ было досадно, и какъ будучи монастырскимъ казначеемъ, въ деньгахъ недостатка я не имѣлъ, то улучивъ время, какъ сей грубіянъ ѣздилъ на двѣ недѣли въ деревню, сдѣлалъ я надежными людьми подземной проходъ отъ моей кельи до ея спальни чрезъ улицу,

ко-

которая весьма узька; симъ проходомъ можно дойти до моей кельи скорѣе шести минутъ, вмѣсто того, что идучи настоящею доро́гою, должно проходить весь нашъ дворъ, которой весьма длиненъ, отпирать и запирать воро́та, и теперь можешь ты легко рассудить, можно ли было твоей женѣ скинуть съ себя Дервишское платье, и лечь опять на постелю; между тѣмъ, какъ тебѣ должно было сдѣлать великой кругъ, чтобъ притти въ нашъ монастырь, или изъ онаго до твоей спальни дойти. Вотъ, мой сынъ, все сiе великое таинство тебѣ открылось. Впрочемъ не безъ труда склонилъ я Дженжiари - Нару на сей обманъ: она еще лучше желала претерпѣвать всѣ твои бѣшенства, нежели подвергнуться твоему гнѣву; но я ее къ тому уговорилъ, обнадежа ее, что когдабъ ты оное сталъ толковать въ

худую

худую сторону, и отъ такого очевиднаго опыта не могъ поправиться, то ты бы и во вѣки не узналъ учиненнаго тебѣ обмана, и я бы тотчасъ прекраснаго Дервиша опять отправилъ въ Черкасію.

Я думаю, мой сынъ, намъ удалось въ томъ, продолжалъ старикъ, по тому что ты насъ обнадеживалъ навсегда бросить твои глупости: хотя въ самомъ дѣлѣ никто меньше не имѣлъ причины къ ревнивости, какъ ты. Жена твоя разумная; она дѣлала тебѣ угожденія сверьхъ всякаго чаянія; но когда бы она того не хотѣла сама собою, то разсуди, любезной мой Ганифъ, чего любовь не въ состояніи сдѣлать. Нѣтъ ниодного такого средства, котораго бъ не могла она опровергнуть, а самое надежнѣйшее есть то, чтобъ положиться на добро-

дѣтель

дѣтель и вѣрность своей жены. Я довольно знаю, что сїе правило не весьма общее во всемъ востокѣ; но иное дѣло есть жить, послѣдуя обыкновенїю, которое запрещаетъ только казаться женщинамъ всенародно, а иное, чтобъ поступать съ ними съ такимъ обиднымъ подозрѣнїемъ, какъ ты дѣлалъ съ Дженжїари-Нарою. Ревнивость твоя до того тебя довела, что ты подозрѣвалъ и на меня, своего отца, и дружба твоей матери къ своей снохѣ тебѣ тревожила. Подумай, сынъ мой, кто долженъ больше имѣть участїя въ твоей чести, какъ мы? Между тѣмъ ты столько слабъ былъ, что и насъ подозрѣвалъ въ похищенїи оной.

Я въ такомъ былъ крайнемъ смущенїи, продолжалъ старой Календеръ, что не зналъ, что отвѣтство-

ствовать на разумныя слова Дервиша. Ахъ! мой отецъ, вскричалъ я, сколь чувствительно одолженъ я вами за ваше старанiе о моемъ излеченiи, и что столь учадно въ томъ вамъ пощастливилось: я понимаю теперь всю силу вашего рассужденiя, и стыжусь смертельно прежнихъ моихъ поступокъ: не хочу загладить оное поведенiемъ столь тому противнымъ, что прекрасная Дженжiари-Нара столь будетъ тѣмъ довольна, сколь имѣла причины прежде на то жаловаться: потомъ бросясь къ ногамъ моей жены, которая была еще въ Дервишскомъ платьѣ, просилъ я прощенiя въ моей смѣшной ревнивости, столь уничиженными словами, и съ такими знаками раскаиванiя, что привелъ въ слезы мою мать и отца моего.

Дженжіари-Нара не могши также удержать слезъ, тотчасъ меня подняла: любезной мой супругъ, говорила она мнѣ, когда я всегда васъ любила, не взирая на вашу ко мнѣ иногда жестокость, то разсудите, до какой степени взойдетъ нынѣ моя любовь, какъ вы увѣряете перемѣною, отъ которой зависитъ все мое благополучіе? Она присовокупила къ сему разговору столь нѣжныя ласки, что я ее стократно обнималъ, и въ радостномъ восторгѣ вскричалъ я: нѣтъ, любезная моя Дженжіари-Нара, нѣтъ никакой разности отъ вешняго зефира съ пріятнымъ дыханіемъ изъ твоихъ устъ, прохлаждающимъ душъ и сердце: я теперь совсѣмъ переродился, и не хочу впредь ни на что иное употреблять пріятнѣйшіе часы моей жизни, какъ на сисканіе всякихъ средствъ, чтобъ вамъ угождать.

Отецъ мой и моя мать весьма радовались моей перемѣнѣ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Ничто въ свѣтѣ не могло быть прiятнѣе Дервишу и моей матери, какъ видѣть меня поправившагося отъ моей глупости ихъ старанiемъ, и Дженжiари-Нара чувствовала отъ того неизреченную радость. Накрыли на столъ, который продолжался со всякою удобвозможною прiятностiю, и съ того времени точно я наблюдалъ данное мое слово.

Я жилъ такимъ образомъ съ моею супругою около тринатцати лѣтъ, чрезъ которые Дервишъ и моя мать умерли. Всѣ дѣти, бывшiя

шія у насѢ сѢ Дженжіари-Нарою, не долго жили; а на послѢдокѢ, любезной мой братѢ, и ее лишился я по долговременной болѢзни, и ты самѢ можешь рассудить, чувствительна ли была мнѢ смерть толь отличныхѢ достоинствѢ жены: всѢ мои друзья пришли ко мнѢ меня утѢшать; но то, чего не могли они сдѢлать, исполнило время. КакѢ оное достигаетѢ все, то нечувствительно истребило ее изѢ моей памяти: я помышлялѢ только о забавахѢ, и вдавшись совсѢмѢ веселости, мало по малу впалѢ я вѢ мотовство.

По нерадѢнію о моихѢ дѢлахѢ, пришли оныя вѢ безпорядокѢ, я чрезѢ два года одолжалѢ сѢ ногѢ до головы: не вѢ состояніи же будучи удовольствовать моихѢ заимодавцовѢ, и не имѢя инаго средства,

ства, какъ только бѣжать, распродалъ я тихонько всѣ мои вещи половинною цѣною, и ушелъ изъ Баки нарядясь въ Календерское платье. Мнѣ сіе платье съ самаго перваго дня такъ много полюбилось, что я вознамѣрился и никогда оное не покидать. Тому ужѐ около тритцати лѣтъ, какъ я его ношу, никогда не имѣя намѣренія онаго скинуть. Я обѣгалъ въ немъ всю Персію и Татарію, гдѣ случалось со мною безчисленное множество похожденій, которыя расказывать весьмабъ долго было. Я намѣренъ итти въ Индію и въ Китай, и для того взялъ я къ себѣ въ мои товарищи, тому мѣсяца съ два, сего молодаго человѣка, который послѣдуя моему примѣру, сдѣлался Календеромъ, и котораго похожденія по крайней мѣрѣ столь же странны какъ и мои.

Когда

Когда старой Календеръ окончилъ свою повѣсть, то Фарукъ, милостивѣйшій Государь, чрезвычайно веселясь симъ расказываніемъ, благодарилъ за его снисхожденіе. Исторія ваша весьма странная, сказалъ онъ ему, и сколько вы меня ни увѣряете; однако я весьма сомнѣваюсь, чтобъ житіе вашего товарища могло съ оною сравниться. Вы увидите то сами, отвѣчалъ молодой Календеръ.

ПОХОЖДЕНІЕ

Молодаго Календера.

Мать моя была родомъ изъ Шираза, а объ отцѣ я не упоминаю, по тому что я его не знавалъ, я былъ еще очень малъ какъ онъ умеръ: она торговала молокомъ, масломъ и сыромъ, кото-

рое получала она отъ своихъ собственныхъ коровъ, и посылала меня продавать оное въ городъ; но я симъ промысломъ скоро скучилъ. Тому было два года, или около того, какъ пріѣхали изъ Индіи шайка комедіантовъ, которые представляли обыкновенно свои дѣйствія посреди рынка, гдѣ они послѣ того продавали многія лекарства, которыя сказывали они быть пречудными отъ всякихъ болѣзней. Какъ они Персидской языкъ очень мало знали, то представляли сперва только Пантомимы, и лекарства свои продавали чрезъ толмача; но мало по малу научившись языка, такую пріобрѣли они себѣ славу, что всякій на ихъ представленія взиралъ съ удовольствіемъ. Я будучи въ Ширазѣ, ни одного раза не пропускалъ, чтобъ не побывать на ихъ комедіяхъ, и они

столь-

столько мнѣ понравились, что я вознамѣрился вступить въ ихъ шайку. Я отъ природы имѣлъ склонность къ театру, и просилъ ихъ дать мнѣ небольшое какое дѣйствующее лицо. Они выбрали мнѣ самое смѣшное, и я столь хорошо оное представлялъ къ удовольствію всѣхъ зрителей, что тотчасъ вздумалъ представлять наиважнѣйшія лица. Я сверьхъ всего представлялъ весьма живо пьяницу, простака и розиню. На конецъ самыя шутливѣйшія дѣйствія не дѣлали столько забавы, когда оныя не мною представляемы были.

Я не довольствовался званіемъ превосходнаго комедіанта, но хотѣлъ еще и самъ сдѣлаться сочинителемъ. До того времени играли мы только лоскутки изъ комедіи, и безъ всякаго почти пріугото-

товленія: я вздумалъ раздѣлить оную на явленія и дѣйствія. Мнѣ въ томъ удалось, и моя пробная штука подлинно была масперская, которую назвалъ я *Обманутой Кади*. Содержаніе оной слѣдующее:

Одинъ Кандагарской Кади весьма скупой, имѣетъ у себя прекрасную дочь, въ которую смертельно влюбленъ одинъ молодой Персіянинъ. Сей Кади обѣщалъ свою дочь за стараго Музюльмана, весьма богатаго человѣка: Персіянинъ въ отчаяніи лишиться своей любовницы, изыскивая разныя средства для воспрепятствованія сей свадьбѣ, отъ которой зависѣло все его благополучіе, не нашелъ инаго способа, какъ итти къ Кадію, который его не зналъ, посовѣтовать о похищеніи. Сей судья почелъ сперва оное дѣло за весьма криминальное,

ное, и преужасно за то разгнѣвался; но поднесенный ему кошелекъ золота успокоилъ, и принудилъ его дать письменной совѣтъ, въ силу котораго согласенъ онъ былъ, чтобъ желаемая дѣвица была похищена, только чтобъ было сходство лѣтъ между тѣмъ, съ кѣмъ хотятъ ее соединить, и что намѣреніе похитителя состоитъ въ бракосочетаніи; а посредствомъ другаго поданнаго ему кошелька, запрещаетъ онъ отцу дѣвицы той чинить какое либо слѣдствіе на ея любовника, подъ опасеніемъ ста палочныхъ ударовъ по пятамъ. Его совѣтованіе, или лучше сказать, письменное приказаніе, произведено въ дѣйство. Молодой Персіянинъ похитилъ его дочь, и обманутой Кади принужденъ находится склониться, чтобъ она вышла за своего любовника.

Вотъ содержаніе моего сочиненія: но я въ оной описалъ обстоятельно скупость Кадія, и представилъ по моему мнѣнію такъ живо, а особливо въ томъ явленіи, гдѣ я представлялъ простака, что желалъ бы отъ всего сердца, чтобъ вы видѣли представленіе сей комедіи. Ба! отвѣчалъ Фарукъ, развѣ сочинитель комедіи не долженъ знать наизусть свои штуки отъ доски до доски, что мѣшаетъ тебѣ оную намъ представить? Ахъ, братъ, отвѣчалъ молодой Календеръ, она не можетъ имѣть такой пріятности какъ на театрѣ. Нѣтъ ничего, отвѣчали другіе два Календера, мы оное приписывать будемъ недостатку дѣйствующихъ лицъ: мы знаемъ довольно, что не можно одному человѣку представлять разныя лица. Когда вы того желаете, отвѣчалъ сей новой комедіантъ, то я васъ удовольствую. Пред-

Представьте же себѣ тотчасъ видѣть Кадія одного, и въ своемъ домѣ жаловаться на то, что въ Кандагарѣ живутъ весьма осторожно, и что въ нынѣшнемъ году не много дѣлъ, а особливо криминальныхъ. Я вошелъ въ его покои съ однимъ моимъ товарищемъ въ крестьянскомъ платьѣ; мы оба чрезвычайно запыхались, и Кадія выводили изъ терпѣнія весьма забавнымъ нѣмымъ явленіемъ. На послѣдокъ вышедши изъ терпѣнія, что мы говоримъ только одними знаками, и любопытствуя знать, въ чемъ состояло наше дѣло, вотъ какъ онъ началъ:

Кади.

Конечно, надобно думать, эти олухи или пьяны, или нѣмы; дѣлаютъ только лишь знаки, которыхъ я понять не могу.

Перной мужикъ.

[Это я, любезные мои братья, представлялъ сіе лице.]

Охъ, мы до вашей милости господинъ честной бѣгли . . . До сихъ мѣстъ такъ скоро . . Чтобъ . . . Ахти какъ я запыхался : раскажи кумонiокъ ты самъ все дѣло до копѣйки, что мы видѣли.

Кади.

Нелiогко васъ побери.

Другой мужикъ [со слезами].

Раскажи се самъ, коли ты можешь, я съ духомъ не зберусь, и такъ угорѣлъ . . .

Кади.

Эти ротозѣи, думаю я, пришли сюда нарочно чтобъ меня выводить изъ терпѣнія. Естьли у тебя мошенникъ языкъ, или нѣтъ, скажи скорѣй, что ты видѣлъ?

Перной

Перьой мужикъ.

Ба, ба, потихоньку, господинъ честной, ты ужъ и рассердился; какъ очень изрядно говоритъ Локманъ въ своей книгѣ о животныхъ.

Кади.

Оставь нечестивой плутъ твоего Локмана и его животныхъ, съ какой стати зашли его басни тутъ, что ты мнѣ сказать хочешь?

Перьой мужикъ.

Вы говорите правду: но когда есть въ головѣ немножко разума, то стараются вывесть его наружу; и когдабъ вы не перерывали моей рѣчи, чтобы я васъ приравнялъ къ ослу.

Кади.

Бестія... Да что полно слушать такова глупца.

Пожалуй мой другъ окончи, и скажи мнѣ, за какимъ ты дѣломъ сюда пришелъ? Ь 7 Перьой

Первой мужикъ.

О, съ великою охотою, да для чево вы давно намъ этого не сказали? Послушай же, мы пришли къ вамъ сказать, что какъ мы шли съ кумомъ... Мы видѣли ..[заплакавъ] ахъ, у меня сердце обмираетъ, лишь только о томъ вздумаю, и мнѣ такъ жалко, что не могу договорить.

Кади.

Оканчивай повѣса, или я тебя приколочу; гей, поди сюда ктонибудь.

Первой мужикъ.

Эй, постой, господинъ честной, когда ты не даешь мнѣ времени и съ духомъ собраться, я тебѣ скажу коротко, и безъ всякихъ обиняковъ. Что... На, вотъ я объ закладъ ударюсь, что ты со всѣмъ твоимъ разумомъ не можешь отгадать, что мы видѣли.

Кади.

Кади взявъ его за воротъ.

Ахъ ты бестія, плутъ, такъ ты по этому думаешь меня бѣсить?

Первой мужикъ.

Ай, ай, батюшки мои, отпусти же меня милостивой государь, и я тотчасъ скажу, что мы видѣли убитаго человѣка.

Кади.

Ахъ, я отдохнулъ: хорошо, тѣмъ лучше, вотъ чѣмъ заплатитъ мой ужинъ.

Другой мужикъ.

Ахъ, государь мой, дѣло то тѣмъ плохо, что убитой былъ витъ мой зять, онъ женился на моей дочерѣ.

Кади.

Тѣмъ лучше, говорю я вамъ, вотъ весьма изрядное дѣло.

[Въ самое то время пришолъ Разсыльщикъ отъ Порутчика Кадіева.

Раз-

Разсыльщикъ.

Доношу вашему благородію, мы взяли подъ караулъ одного смертноубійца за Кандагарскими воротами.

Кади.

Скоро, скоро мой кафтанъ и челму, [къ мужикамъ], да есть ли у васъ свидѣтели?

Первой мужикъ.

Да какъ же ста не быть, пожалуй впрочемъ на насъ положись.

Кади.

Когда такъ, я теперь же пойду на то мѣсто: но напередъ надобно знать, что то виноватой за человѣкъ?

Разсыльщикъ.

Это.

Кади.

Ну.

Раз-

Разсыльщикъ.

Это деревенской парень изъ ближней деревни.

Кади.

Деревенской парень? Куда какъ я не рассудливъ, можно ли такимъ плутамъ убить до смерти? Ахъ, я въ отчаяніи: тутъ нѣчемъ руки нагрѣть; [своимъ людямъ] на, возьмите мой кафтанъ и челму.

Перпой мужикъ.

Да ну же спа пойдемъ пока мы здѣсь хлопочемъ, а виноватой, можетъ быть, убѣжитъ.

Кади.

Пусть его убѣжитъ, коли можетъ: фу пропасть какая, что это за дѣло, тутъ мнѣ и на хлѣбъ не придетъ.

Другой мужикъ.

Да когда?

Кади.

Кади.

Велите вытолкать въ шею этихъ вралей, они мнѣ всѣ уши прожюзжали.

Порутчикъ Кадіепъ.

Государь мой, изрядная вѣдомость, человѣкъ убитъ до смерти.

Кади.

Такъ чтоже, я про то знаю?

Порутчикъ.

А туда вы не поспѣшаете?

Кади.

Еще довольно времени осталось, будетъ день и завтра.

Порутчикъ.

Это правда, да вить ......

Кади.

Пожалуй о томъ мнѣ больше не говори.

Порутчикъ.

Государь мой, я удивляюсь вашему безпристрастію, вить намъ попался хорошей гусь.

Кади

Кади.

КакЪ?

ПорутчикЪ.

Развѣ вы не знаете, что убійца гналЪ вЪ городЪ барановЪ?

Кади.

БарановЪ?

ПорутчикЪ.

Конечно такЪ.

Кади.

Да куда же ты ихЪ дѣвалЪ?

ПорутчикЪ.

Изрядной вопросЪ! Я тотчасЪ всѣхЪ заперЪ вЪ тюрьму. (*потихоньку*) НовичокЪ бы велѣлЪ держать виноватаго подЪ карауломЪ; но я, научась сЪ вашего примѣра, далЪ ему поводЪ убѣжать, а барановЪ то удержать у себя.

Кади.

Скоро мой кафтанЪ, челму, и велите тотчасЪ осѣдлать моего лошака; (*Порутчику*) ты мой

другЪ

другъ со временемъ будешь важной судья : (*мужикамъ*) а вы безмозглые скоты, для чего прежде мнѣ не сказали, что убiйца гналъ барановъ?

Перпой мужикъ.

Я не думалъ, кормилецъ мой, чтобъ онъ виноватѣе былъ для барановъ.

Кади.

Конечно, конечно, убитой человѣкъ, и бараны! Этого довольно, ничто меня удержать не можетъ, и я хочу показать примѣръ... Бараны!

Перпой мужикъ.

Такъ государь мой, онъ достоинъ смерти: но бараны-то вѣть невиноваты, и я слезно прошу у васъ ихъ помиловать.

Кади.

Нѣтъ, нѣтъ помилованiя, надобно сдѣлать правосудiе; я пойду съ моимъ Порутчикомъ въ кабинетъ

нетъ, а вы подождите меня не много здѣсь.

Другой мужикъ.

Куда какъ это смѣшно слушать, коли есть бараны, то и дѣло сдѣлано.

Перпой мужикъ.

Слушайка кумъ, пока намъ служитъ щастіе, и пока остервился такъ Кади, отмстимъ сосѣду нашему Калебу, которой всегда дѣлаетъ намъ пакости. У него у шельмы болѣе полутораста барановъ, такъ вотъ изрядной случай сбыть его съ шеи долой, или по крайней мѣрѣ привесть его подъ палки.

Другой мужикъ.

Да и подлинно такъ, вверніомъка ему толчокъ въ шею: онъ очень щастливъ будетъ, чтобъ отдуться палочьемъ; а послѣ мы же ему смѣяться станемъ.

Вотъ,

Вотъ, любезные мои братья, продолжалъ Календеръ, лоскутокъ изъ моей штуки: потомъ представилъ я молодаго Персіянина, который за деньги выманилъ у скупаго Кадія приговоръ толь противной свадьбѣ, намѣряемой имъ съ старымъ Музюльманомъ: но я вамъ этого явленія читать не буду, хотя оно и очень смѣшно: довольно съ васъ того, что я вамъ доказалъ силу моего разума. Я возвращаюсь къ моей исторіи. Ахъ, позволь напередъ, сказалъ ему Фарукъ, васъ съ моей стороны увѣрить, что я ничего еще лучшаго въ свѣтѣ не видалъ, какъ эти ваши явленія ... Похвала ваша весьма умѣренна, отвѣчалъ сочинитель, штука моя отъ конца до конца превосходная, преизрядная, и всѣ наши лучшіе комическіе автора ничего еще не сдѣлали столь совершеннаго

шеннаго и такЪ натуральнаго. Весь ШиразЪ отдалЪ мнѣ вЪ томЪ справедливость, но Кади того го́рода, о которомЪ я, при сочиненіи моей комедіи, совсѣмЪ и не думалЪ, рассудилЪ о томЪ инако: онЪ нашелЪ вЪ оной живое изображеніе себя, и преужасно рассердясь на комедіантовЪ и на сочинителя, всѣхЪ насЪ выгналЪ изЪ Шираза, и запретилЪ намЪ подЪ опасеніемЪ лишенія живота представлять болѣе комедіи. Я упомяну кратко о нѣкоторыхЪ палочныхЪ ударахЪ, кои влѣпили мнѣ по приказанію Кадіеву. ВЪ сей долѣ товарищи мои никакого участія не имѣли, по тому что оная принадлежала мнѣ одному какЪ главному сатирическому автору; прочей же барышЪ раздѣлили мы между собою поровну. Я представлялЪ имЪ, чтобЪ повеселиться намЪ вЪ другомЪ какомЪ либо городѣ,

родѣ, гдѣ бы Кадіи были поумнѣе; но они столь худо со мною поступили, что я вознамѣрился бросить сіе ремесло, и приняться за прежнее свое, въ которомъ я упражнялся прежде нежели сдѣлался комедіантомъ.

Такимъ образомъ возвратился я къ моей матери, которая приняла меня съ распростертыми руками; будучи комедіантомъ около года, я накопилъ нѣсколько и денегъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я употребилъ нѣкоторую часть сихъ денегъ на закупку скотины, и вознамѣрился жить поспокойнѣе; я не хотѣлъ больше ходить пѣшкомъ продавать масло и сыръ.

Для

для сего купилъ я въ Ширазѣ небольшаго лошака, который стоилъ мнѣ тритцать золотыхъ чекиновъ. Я возвращался спокойно домой на новомъ моемъ возникѣ, гнавъ передъ собою негодную кривую лошадь, на которой обыкновенно возилъ я на рынокъ масло; какъ отъѣхавъ съ четверть мили отъ города, попался мнѣ одинъ человѣкъ, который спрашивалъ меня, не изъ Шираза ли я ѣхалъ? Вѣть ты видишь, сказалъ я ему, что оттуда. Конечно вы, отвѣчалъ онъ, что нибудь покупали тамъ на рынкѣ: я купилъ этого лошака, сказалъ ему. Какого лошака? Какъ какого, этого, на которомъ я ѣду; въ правду ли вы говорите? Очень въ правду, я его далъ тритцать золотыхъ чекиновъ: сей человѣкъ началъ тогда хохотать изъ всей своей силы; это

хорошо, продолжалъ онъ, тотъ, кто продалъ эту скотину, видно не дуракъ, отдалъ осла вмѣсто лошака: потомъ продолжалъ онъ свою дорогу къ Ширазу съ великимъ смѣхомъ.

Мнѣ сей человѣкъ былъ жалокъ, и я почиталъ его за дурака; какъ черезъ полмили подалѣе, другой сдѣлалъ мнѣ такой же почти вопросъ, которому то же я отвѣчалъ что и первому; но какъ я ему сказалъ, что купилъ сего лошака; что вы меня за дурака развѣ признаете, говорилъ онъ мнѣ, и не увѣрить ли меня хотите, что оселъ можетъ быть лошакомъ? Я доказывалъ ему, что онъ ошибается; но онъ рассердясь, и меня ругая, пошелъ своею дорогою, и оставилъ меня въ крайнемъ удивленіи.

Я на́чалъ отъ добраго се́рдца вѣрить, что можетъ быть меня обманули, и слѣзши съ моего возника, рассматривалъ его съ ногъ до головы, и по моему мнѣнію, признавалъ его за лошака; но не увѣряясь самъ себѣ, и не полагаясь твердо на мои глаза̀, я вздумалъ утвердиться на рѣшеніи перваго прохожего, и клялся, что когда онъ призна́етъ его за осла, тѣмъ его тотчасъ подарить.

Я не отъѣхалъ еще трехъ сотъ шаговъ, какъ увидѣлъ одного идущаго крестьянина: эй, братъ, сказалъ я ему, пожалуй мнѣ растолкуй, на какой я ѣду скотинѣ? Вотъ какой смѣшной вопросъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, развѣ ты самъ лучше моего не знаешь? Знаю ли, или нѣтъ, говорилъ я ему, только скажи мнѣ пожалуй. Ну, вить,

отвѣчалъ крестьянинъ, не мудрено узнать, что это оселъ. Я симъ отвѣтомъ весьма смутился; я сошелъ съ моей скотины, которую купилъ за лошака, и просилъ крестьянина принять ее въ подарокъ. Сей плутъ вторичной отъ меня прозьбы не дожидался. Онъ меня поблагодаривъ, вскочилъ тотчасъ на лошака, и ударивъ по брюху каблуками, полетѣлъ какъ стрѣла.

Я пришелъ домой пѣшкомъ и въ великой горести, что примѣтивъ мать моя, спрашивала у меня о причинѣ тому. Я ей то раскавалъ, и она не могла удержаться отъ смѣху. Куда какъ ты простъ, сказала она мнѣ, не догадался ли ты, что это были три мошенника, которые раздѣлились на дорогѣ Ширазской, и между собою зговорились, чтобъ выманить у тебя лошака;

шака; надобно тебѣ быть великому глупцу, что ты дался въ такой живой обманъ. Насмѣшка моей матери мнѣ была чувствительна: я понялъ тогда что меня обманули, и вознамѣрясь отмстить моимъ мошенникамъ при первомъ случаѣ, пошелъ я на рынокъ на третій день. Я тамъ ихъ призналъ, хотя они и не въ томъ ужѐ платьѣ были, и какъ мнѣ показалось, что они не самые искуснѣйшіе были, видя моими глазами два или три ихъ ремесла, то отложилъ я мое мщеніе до другаго раза.

Принявъ хорошенько мои мѣры, и сообща свое намѣреніе моей матери, привязалъ я пару пустыхъ корзинокъ на спину пестрой козы, которую купилъ я у моего сосѣда, и пошелъ съ нею на Шираз-

ской рынокЪ. КакЪ лишь скоро тамЪ я показался, то мои три мошеника увидя меня еще издали, тотчасЪ окружили, думая найти по себѣ олуха. Я притворился ихЪ не видать, купилЪ плечо баранины, индѣйку и трехЪ цыпленковЪ, и положивЪ все то вЪ корзины моей козы, душечка, говорилЪ я будто ей весьма громко, чтобЪ они то слышали, ступай домой, скажи моей поварихѣ, чтобЪ она изготовила это плечо со пшеномЪ, индѣйку сдѣлала разварную, а изЪ цыплятЪ хорошей фрикасей; да чтобЪ пуще всего не позабыла сдѣлать сладкой пирогЪ на закуску, и чтобЪ приготовила восемь бутылокЪ свѣжаго вина: потомЪ толкнулЪ я козу ногою, которая заблеявЪ отЪ меня побѣжала.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Три мошенника чрезвычайно тому удивлялись. Эй, братъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, думаешь ли ты, чтобъ эта скотина исполнила точно твой приказъ? Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, это коза витъ не простая, она знаетъ мои намѣренія, и я увѣренъ, что она не пророни̂тъ ни слова. Они начали смѣяться: шутить нѣчего, сказалъ я имъ важнымъ видомъ, когда вы о томъ сомнѣваетесь, то прошу васъ всѣхъ троихъ къ себѣ отобѣдать, вы сами увидите, обманываю ли я васъ. Мошенники тотчасъ согласились, любопытствуя видѣть толь чрезвычайную вещь, не отходили они отъ меня ни на минуту. Мы ходили долго по рынку, я купилъ нѣсколько бездѣлокъ, и потомъ пошли мы вмѣстѣ

ко мнѣ домой. Какъ лишь скоро пришелъ домой, то говоря моей матери, чтобъ лучше ихъ обмануть, будтобы она моя повариха, спрашивалъ я у нее, что, пришла ли домой коза? Давно ужѐ, сказала она, она щиплетъ теперь въ огородѣ капусту, и обѣдъ бы вашъ ужѐ готовъ былъ, естьлибъ ваши гости не прислали сказать, что захватили ихъ дѣлà, за которыми сего дня они къ вамъ быть не могутъ. Между тѣмъ баранье плечо почти ужѐ сварилось, а индѣйка поспѣетъ чрезъ полчаса, фрикасей съ цыплятами готовъ, сладкой пирогъ поставленъ въ печь, а бутылки, о которыхъ вы приказывали, стоятъ въ снѣгу. Очень изрядно, отвѣчалъ я, вотъ три господина вмѣсто тѣхъ знатныхъ гостей, и какъ кушанье готово будетъ, накрывай столъ.

Гости

Гости мои несказанно удивились отвѣту моей матери: они вошли въ огородъ, и узная козу съ ея корзинами по пятнамъ на ея шерсти, которыя очень они примѣтили, вздумали купить ее себѣ за какую бы то цѣну ни было.

Тотчасъ послѣ того подали намъ обѣдать; я весьма довольно поилъ моихъ мошенниковъ, которые ни въ чемъ на меня не подозрѣвали, и около конца обѣда одинъ изъ нихъ меня спросилъ, не продамъ ли я имъ мою козу. Я въ томъ не отрицался, только бы лишь получить хорошую цѣну. Они сперва подали мнѣ двапцать червонныхъ, но я и смотрѣть на то не хотѣхъ. На конецъ, любезные мои братья, я столь сыгралъ хорошо мое лицо, что выманилъ у нихъ всѣ деньги, кото-

рыя съ ними были, и числомъ съ лишкомъ шестьдесятъ чекиновъ.

По заключеніи торга мы опять принялись за питье, и мои товарищи вполпьяна пошли отъ меня ужè подъ вечеръ весьма довольны покупкою козы. Они хотѣли апробовать ее на другой же день, естьли она и имъ столь же послушна будетъ, какъ была мнѣ.

Они наклали въ корзины ей мяса, приказали что изъ того приготовить: она побѣжала, но только ожидали ее безполезно, и больше къ нимъ не возвратилась.

Теперь надобно, любезные мои братья, открыть вамъ сію тайну: Одинъ изъ ближнихъ нашихъ сосѣдовъ имѣлъ у себя двѣ козы бѣлыя съ черными пестринами, но такъ схожи одна съ другою, что никакъ не

мог-

можно было ихъ распознать. Я купилъ ихъ обѣихъ, въ намѣренiи отмстить моимъ мошенникамъ: я сообщилъ намѣренiе свое моей матери, приказалъ ей что изготовить къ обѣду, есть ли позволено будетъ мнѣ такъ сказать, и привязавъ одну козу въ моемъ огородѣ, повелъ другую съ собою на рынокъ, гдѣ закупилъ я мяса точно такого, которое запасено у меня было дома: я положилъ оное на мою козу, и приказавъ ей отнести къ себѣ домой, оставилъ я то на щастливаго, и не знаю кому она попалась въ руки. Мой приказъ былъ исполненъ точно; мать моя представляла дѣйствующее лицо совершенно, и другая коза, привязанная въ моемъ огородѣ, столь была сходна съ тою, которую мошенники видѣли въ Ширазѣ, что они чистосердечно повѣрили быть чему нибудь чрезъестественному въ сей скотинѣ, и что

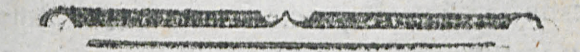
они купили ее такъ дорого, какъ я вамъ сказывалъ; но она такой же имѣла жребiй, какъ ея подруга, конечно кому нибудь щасливому досталась она и съ корзинами.

Я не сомнѣвался, чтобъ они, увидя мой обманъ, не пришли ко мнѣ, для требованiя отъ меня назадъ своихъ денегъ, и ожидалъ ихъ безъ трусости. Они стучались у моихъ ворότъ съ угрозами; я отворилъ имъ самъ, и спрашивая у нихъ съ тихостiю о причинѣ ихъ гнѣва, услышалъ я отъ нихъ, что оный происходилъ отъ потери ихъ козы. Не гладили ли вы ее сего утра, сказалъ я, лѣвою рукою, какъ велѣлъ я вамъ вчера о томъ сказать чрезъ мою повариху? Она побѣжала за вами въ слѣдъ, чтобъ увѣдомить васъ о толь нужномъ дѣлѣ, о чемъ я

отъ многаго питья вина позабылъ вамъ сказать при заключенiи нашего торга. Какая повариха, отвѣчали они? Мы никого не видали, и мы не примѣтили того, чтобъ гладить ее лѣвою рукою, по тому что объ этой церемонiи намъ не сказывали. Я кликнулъ въ то время мою мать, которая пришла съ великимъ трепетомъ, видя мой гнѣвъ. Для чего ты скверная, вскричалъ я, не сказала вчера симъ господамъ, какъ я тебѣ о томъ приказывалъ точно, чтобъ они не преминули гладить свою козу лѣвою рукою, такъ какъ я то дѣлывалъ каждое утро. Милостивой государь, сказала она мнѣ, бросясь на колѣни, я очень помнила вашъ приказъ, да только не могла онаго исполнить; я далеко бѣжала за ними въ слѣдъ, да настичь не могла. Ахъ, плутовка, отвѣчалъ я,

у тебя и все такія отговорки; ты конечно забавлялась съ какою нибудь подругою своею, а между тѣмъ разоряешь меня твоею лѣностію; но я клянусь Магометомъ, что ты не долго безъ наказанія останешся. Потомъ схвативъ ее за волосы, вынулъ я кинжалъ, и такъ сильно покололъ ее въ брюхо, что тотчасъ упала съ ногъ. Она чрезъ минуту вся залилась кровью, и мои три мошенника столько того испужались, что хотѣли было немедленно бѣжать. Государи мои, сказалъ я имъ, эта бездѣлвница давно ужѐ такого наказанія стоила. Впрочемъ не пугайтесь ея смерти, я властенъ ее оживить въ сей же часъ: но какъ она этого труда не стоитъ, то пожалуйте пособите мнѣ схоронить ее въ моемъ огородѣ.

Три товарища глядѣли другъ на друга нѣсколько времени не говоря ни сло́ва; но одинъ изъ нихъ перервавъ молчаніе, какъ, сказалъ мнѣ, вы можете опять оживить эту нещастную бабу? Конечно, отвѣчалъ я. Ахъ, пожалуйте, сдѣлайте это чудо при нашихъ глазахъ, а мы въ козѣ вамъ уступаемъ. Я сперва не оченъ склонялся сдѣлать имъ это удовольствіе, но они просили меня неотступно. Такимъ честнымъ людямъ, продолжалъ я, отказать не можно: пото́мъ открывъ ящичекъ, вынулъ я маленькой охотничей рогъ, и проигралъ двѣ или три весьма веселыя штуки на́ ухо умершей.



ШЕСТЬ-

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Мать моя казалась мало по малу оживляться, по мѣрѣ того, какъ я игралъ; на послѣдокъ чрезъ четверть часа встала по прежнему на ноги, не чувствуя по видимому никакой болѣзни отъ удара кинжальнаго, и привела моихъ мошенниковъ въ такое удивленіе сему чудесному дѣлу, и въ такую жадность къ моему рогу, что они ужè между собою зговаривались какъ бы оной у меня украсть. Они спрашивали у меня, отъ кого я досталъ толь чудной инструментъ. Я отвѣчалъ имъ, что купилъ его за четыреста чекиновъ у одного иноземца, который сказывалъ мнѣ при продажѣ, что оный потеряетъ свое дѣйствіе, естьли у меня отниметъ его кто насильно, но что всегда будетъ имѣть свою силу,

У-

уступая оной добровольно, только бы лишь я получилъ за него восемь чекиновъ барыша, по тому что переходя такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, всегда накладывалось по восьми чекиновъ лишку, которыхъ онъ стоилъ съ самаго начала, и что считая по сему я уже три натцатой ему хозяинъ.

Мои воры слыша такую вѣдомость потупили носъ; имъ хотѣлось нетерпѣливо достать мой рогъ, только такъ дорого купить не хотѣлось. Между тѣмъ вознамѣрились они со мною торговаться, и такъ просили меня неотступно уступить его имъ за двенатцать сотъ чекиновъ, что я на сію сумму согласился. Они немедленно пошли къ себѣ домой, и какъ жили они всѣ трое вмѣстѣ, то кликнули своихъ женъ, сѣли за столъ, и про-

просидѣли до самаго вечера. Около ночи, и по окончаніи стола, поразогрѣвшись виномъ, вздумали они аппробовать свой рогъ, и для того всячески придирались къ своимъ женамъ: но давъ имъ нѣсколько хорошихъ оплеухъ, такъ они рассердились на своихъ мужей, что начали ихъ упрекать во всѣхъ мошенничествахъ, и притомъ грозили донесть о томъ Кадію. А сіи бездѣльники того то и ожидали. Отъ такихъ угрозъ притворились они притти въ великую ярость, и схвативъ каждой по ножу, перерѣзали тотчасъ своихъ женъ, которыя въ самомъ дѣлѣ не лучше ихъ были. Какъ скоро они на полу растянулись, то хотѣли они смотрѣть чуднаго дѣйствія своего рога, однако сколько они ни трубили одинъ по одному на уши сихъ нещастныхъ, только ни одна изъ

нихъ не пошевелилась. Потомъ начали они наигрывать пѣсни, но увидя, что было то безъ всякаго дѣйствія, ясно тогда они догадались, что знать нашла коса на камень, и поняли, какъ то и правда была, что я прокололъ у моей поварихи пузырь, подвязанной съ кровью. Они взбѣсились, не только что отъ меня обмануты, да еще и умертвили своихъ женъ, которыхъ не знали куда они дѣвать. Между тѣмъ рассуждали они еще, что какбы ихъ сбыть съ рукъ, и притомъ отмстить мнѣ, какъ Кадіевъ Порутчикъ идучи съ нѣсколько десятскими по улицѣ, и услыша звукъ рога постучался у ихъ воротъ, чтобъ провѣдать, откуда происходилъ сей шумъ, которой мѣшалъ спать сосѣдамъ.

Три мошенника почли себя пропавшими; они столько испугались, что

что не только отворить ворота, да еще сами старались убѣжать: но Порутчикъ полицейской велѣвъ выломать дверь, и видя сіи три тѣла плавающія въ крови, приказалъ виноватыхъ захватить и отвести въ тюрьму. Они пошли безъ сопротивленія, только не знаю, какъ одинъ изъ трехъ ушолъ: другіе два тщетно представляли Кадію, что они были обмануты, и что они не думали, чтобъ жёны ихъ отъ того совершенно умерли. Онъ почелъ исторію о рогѣ за вымышленную басню, и я на другой день съ удовольствіемъ видѣлъ моихъ мошенниковъ повѣшенныхъ предъ ихъ воротами.

Сколь моимъ мщеніемъ доволенъ я ни былъ, однако побѣгъ третьяго меня обезпокоивалъ; я опасался, чтобъ онъ не сыгралъ со

мною

мною дурной какой шутки, и для того весьма остерегался чрезъ весьма долгое время; но на послѣдокъ, не смотря на мои предосторожности, не могъ я избѣжать отъ его рукъ.

Однимъ вечеромъ весьма поздо возвращаясь изъ Шираза, по нещастію моему встрѣтился я сему мошеннику, который столь искусно былъ переряженъ, что не могъ я его узнать; однако онъ меня тотчасъ узналъ; и какъ скоро увидѣлъ, то схвативъ за́ воротъ, при по́мощи трехъ злодѣевъ такихъ же каковъ онъ самъ, бросили они меня въ большой мѣшокъ, который у одного изъ нихъ подъ пазухою, завязали веревкою, и взваливъ на плеча понесли меня, какъ я могъ слышать, чтобъ бросить въ рѣку. Я очевидно видѣлъ, любезные мои

братья,

братья, что пришелъ послѣдній мой часъ, и весьма раскаивался въ моемъ мщеніи за потеряніе лошака; какъ мои мошенники услыша шумъ проѣжжихъ людей, нѣсколько испугались, бросили меня не подалеку отъ дороги въ одинъ ровъ, не велѣли мнѣ ни малѣйшей произносить жалобы, и сами удалились въ томъ намѣреніи, чтобъ вскорѣ опять за мною притти. Я отъ искренняго сердца препоручалъ себя великому нашему пороку: однако не имѣлъ столько на него одного надежды, чтобъ не призывать еще на помощь проѣжжающихъ.

По щастію моему гналъ мимо того мѣста около тритцати барановъ одинъ мясникъ.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

На крикъ мой подошелъ ко мнѣ тотъ мясникъ; онъ спрашивалъ меня, за чѣмъ я залѣзъ въ мѣшокъ, и для чего приносилъ такія жалобы? Ахъ, отвѣчалъ я горестно, я думаю хотятъ меня утопить, для чего не беру я за себя Кадіеву дочь: Кадіеву дучь! сказалъ онъ мнѣ, да для чего же ты, глупенькой, не хочешь ее взять себѣ въ жену, она почитается прекраснѣйшею дѣвицею изъ всего Шираза. Небольшая брезгливость въ томъ препятствуетъ, отвѣчалъ я, она брюхата, да только не отъ меня; и Кади, защищая ея честь, хочетъ чтобъ я загладилъ чужой грѣхъ; но я сто разъ лучше желаю умереть, нежели получить такое безчестіе. Куда братъ, какъ ты глупъ, отвѣчалъ мясникъ, мнѣ бы

такъ

такъ пальца въ ротъ не положили, и когдабъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то не сталъ бы много въ томъ разбирать. Дѣло очень лехко, сказалъ я ему, полѣзай только вмѣсто меня въ мѣшокъ. Съ великою охотою господинъ глупецъ, отвѣчалъ мясникъ, я еще отдаю тебѣ сверьхъ договора моихъ барановъ: да послушайка, полно согласится ли Кади на этотъ обманъ? Онъ ищетъ только зятя, сказалъ я, и приказалъ своимъ невольникамъ остановить перваго прохожаго, и спросить его, не женатъ ли онъ былъ, по тому что любовникъ его дочери не давно умеръ, жребiй упалъ на меня; почему приведенъ я былъ предъ него, но большее брюхо его дочери тотчасъ мнѣ омерзѣло. Онъ не успѣлъ лишь на меня взглянуть, и въ своемъ гнѣвѣ приказалъ онъ меня бросить

въ

въ рѣку, когда я не перемѣню моего намѣренія: когда братъ такъ, я охотно съ тобою промѣняюсь, сказалъ онъ мнѣ, потомъ развязалъ мѣшокъ, и вмѣсто меня въ оной влѣзъ. Я тотчасъ его завязалъ, и погнавъ барановъ передъ собою, возвращался въ свою деревню.

Чрезъ полчаса мой воръ съ своими товарищами опять пришолъ по мѣшокъ. Мясникъ сидя въ ономъ, изъ всего горла кричалъ: эй, судари мои, поведите меня къ Кадію, я намѣреніе свое перемѣнилъ, и женюсь на его дочери, какбы она брюхата ни была: они подумали, что я отъ ужаса съ ума рехнулся, не отвѣчая ему ни слова, бросили его въ рѣку, гдѣ онъ скончалъ дни свои. Мнѣ еще и понынѣ его жаль; однако со всѣмъ тѣмъ гораздо пріятнѣе его тамъ

видѣть, нежели бы себя. На послѣдокъ воры вознамѣрясь разграбить мой домишко, поворотились къ нашей деревнѣ: они пришли туда въ самое то время, какъ я стучался у моихъ воротъ, и увидѣвъ меня, въ такой пришли ужасъ, что едва могли на ногахъ устоять. О небо, вскричали они, что это за чудо! какъ это ты не утонулъ, откуда ты здѣсь очутился, и гдѣ взялъ столько барановъ?

Правду сказать, я было не ожидалъ такъ скоро видѣть сихъ злодѣевъ, и сперва нѣсколько испужался; но вдругъ опять спохватился, куда вы какіе ослы, сказалъ я имъ, когда бы вы бросили меня только четыре сажени подалѣе въ рѣку, то вмѣсто тритцати барановъ, привелъ бы я больше и трехъ сотъ. Какъ это статься можетъ? Такъ то, отвѣчалъ я,

въ

въ семъ мѣстѣ подъ водою живетъ одинъ благодѣтельной духъ, который принялъ меня весьма милостиво: подарилъ мнѣ этихъ барановъ, перенесъ меня съ ними сюда, и сказывалъ мнѣ, что, когда бы я упалъ въ воду не много подалѣе, то вынесъ бы съ собою ввосьмеро еще больше.

Воры такой новизнѣ весьма удивились; они нѣсколько времени промежъ собою шептали, и потóмъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ слухъ своимъ товарищамъ, безъ сомнѣнія тутъ есть какая нибудь тайна: мы заподлинно увѣрены, что сего молодаго человѣка бросили въ рѣку; у него барановъ никакихъ не было; мы только лишь дошли сюда, а онъ ужè и прежде насъ очутился здѣсь съ тритцатью баранами, да и платье его кажется

 будто-

будтобы въ водѣ не бывало: мнѣ думается, это дѣло хорошо бы намъ самимъ чрезъ себя испытать. Потомъ оборотясь ко мнѣ, нѣтъ ли у тебя здѣсь какихъ мѣшковъ, продолжалъ онъ? Я думаю, что есть, отвѣчалъ я, около полудюжины: два будутъ лишніе, отвѣчалъ онъ: запри твоихъ барановъ, возьми четыре мѣшка и поди съ нами. Я имъ не спорилъ: они довели меня до того мѣста, гдѣ, помнилось имъ, меня бросили, сыскали маленькую лодку, чтобъ я могъ ихъ бросить въ самую глубь, влѣзли каждый въ свой мѣшокъ, которые завязалъ я веревкою, и побросалъ ихъ въ рѣку ловить бурковъ. Съ того времени, любезные мои братья, я про нихъ не слыхалъ.

На конецъ возвратился я къ себѣ домой спокойно, и отмстивъ

совер-

совершенно моимъ мошенникамъ: я проклажался ихъ деньгами и баранами бѣднаго мясника; но пощастье мое не долго мнѣ послужило: мать моя по нещастію въ одинъ вечеръ заронила въ хлѣву, и такой отъ того пожаръ сдѣлался, что не только нашъ дворъ; но еще семь другихъ згорѣло. Мать моя видя себя чрезъ то въ крайней бѣдности, съ печали умерла, а я старался пропитаніе себѣ промышлять своимъ искусствомъ. Я пошелъ изъ Шираза, въ намѣреніи пристать къ какой либо шайкѣ комедіантовъ, шатающихся по Персидскимъ городамъ: встрѣтился съ симъ старымъ календеромъ, шли съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ; обхожденіе и родъ его житія мнѣ понравились, я сдѣлался календеромъ также какъ и онъ, и вознамѣрились итти въ Индію, гдѣ

не отчаяваюсь я опять принятся за комедіи, естьли наскучитЪ мнѣ носить это платье.

ФарукЪ, милостивѣйшій Государь, продолжалЪ БенЪ-ЭридунЪ, слушалЪ исторію молодаго календера сЪ несказаннымЪ удовольствіемЪ . . . Я довольно вѣрю, перервалЪ Царь Астраханскій, ничто не можетЪ забавнѣе быть, какЪ похожденія обоихЪ календеровЪ, и я не сомнѣваюсь, чтобЪ они не разбили печаль сего Принца о потери своего царства, по тому что я самЪ гораздо больше его имѣя причины печалиться, ни мало не помышлялЪ о моихЪ нещастіяхЪ, слушая толь шутливыя приключенія; но возвратись пожалуй кЪ Фаруку; я столько пріемлю участія вЪ злополучіяхЪ сего нещастнаго Принца, что нетерпѣливо желаю

знать

знать продолженія его похожденій. Съ великою охотою, милостивѣйшій Государь, отвѣчалъ сынъ Абюбекеровъ, мнѣ лехко удовольствовать Ваше любопытство.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ о *Фарукѣ*.

Фарукъ и два календера прошли почти уже всю Персію безъ всякаго достопамятнаго приключенія: какъ въ одинъ день для прикрытія отъ солнечнаго зноя своротивъ съ большой дороги, вошли не въ большой лѣсокъ для подкрѣпленія себя тамъ пищею; они услышали крикъ одного человѣка, котораго по видимому нѣкто билъ, тотчасъ туда побѣжали; но только уже гораздо опоздали, чтобъ подать помощь одному нещастно-

му проѣжжему, котораго зарѣзали четыре разбойника. Какъ сіи злодѣи были вооружены, то увидя календеровъ не побѣжали, на противъ того убитаго обдирали, и одинъ изъ нихъ вздумалъ чтобъ его изрѣзать въ куски. Фарукъ отъ такого безчеловѣчія ужаснулся: эй, государи мои, сказалъ онъ имъ съ униженностію, не можете ли вы довольны быть тѣмъ, что лишили сего человѣка живота, не произведя еще надъ его тѣломъ безпримѣрной лютости, помилуйте, оставте такое безчеловѣчіе.

Одинъ изъ убійцъ взглянувъ свирѣпо на Фарука, нещастной календеръ, сказалъ онъ ему, что ты мѣшаешся не въ свое дѣло, береги твои представленія для другихъ, а не для насъ; когда тебѣ жизнь твоя еще не наскучила, то удались

лись отъ сего мѣста и съ твоими товарищами, и смотри, чтобъ я и тебя не послалъ въ слѣдъ за тѣмъ, за котораго ты столь не кстати стараешся.

Гурскій Принцъ рѣчамъ сего человѣка не удивлялся: но государь мой, продолжалъ онъ, сколь бы вы сердиты ни были, естьли я предложу вамъ на выкупъ мертваго сего тѣла двѣ тысячи чекиновъ, то не лучше ли вы согласитесь принять ихъ, нежели надъ онымъ такъ наругаться? Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ разбойникъ: клянись же мнѣ, что вы оставите мертвое тѣло, а я вамъ деньги выдамъ сей же часъ. Изволь, я клянусь, продолжалъ сей человѣкъ, чтобъ Каганской скропіонъ уязвилъ насъ всѣхъ четверыхъ въ руку, естьли мы своего слова не здержимъ. Выдай

намъ двѣ тысячи чекиновъ, а тѣло возьми себѣ. Тогда Фарукъ вынувъ изъ-за-пазухи свой перстень, который стоилъ больше того, сколько онъ обѣщалъ, отдалъ его имъ безъ всякаго сожалѣнія, а сіи нещастные оставивъ ему мертвое тѣло сами удалились.

Два календера чрезвычайно удивились Фарукову поступку, которой называли они не великодушіемъ, но дурачествомъ.

Семидесятая четверть часа.

Какое же твое намѣреніе, сказали они ему? Только у тебя и добра, что тотъ одинъ перстень, который бы могъ тебѣ служить въ самой крайней бѣдности; а ты и

тотъ

тотъ отдалъ на выкупъ мертваго тѣла: можетъ ли что сумазбродиѣе быть въ свѣтѣ? Да и что ты хочешь съ этимъ тѣломъ дѣлать? Я хочу, отвѣчалъ имъ Фарукъ, погребсти его въ этомъ мѣстѣ: добрыя дѣла никогда не пропадаютъ; вы же мнѣ и сами сказывали, что въ нашемъ родѣ житія тотъ перстень мнѣ совсѣмъ не надобенъ былъ: для чего же хотите вы, чтобъ для камня, который людямъ рассудилось назвать драгоцѣннымъ, и который только служитъ къ излишнему украшенію, пропустилъ я случай исполнить толь святой долгъ, чтобъ покрыть землею музюльмана, который, можетъ быть, нѣкогда будетъ моимъ ходатаемъ предъ Богомъ?

Весьма разумное рассужденіе, отвѣчали календеры: но только не

прогнѣвайся, что мы оставимъ тебя одного исполнять толь благочестивой долгъ; нѣсколько опасно погребать здѣсь мертвое тѣло, и такое доброе дѣло могутъ толковать весьма въ худую сторону. Мы будемъ тебя дожидаться при выходѣ изъ этого лѣску; а естьли ты долго замѣшкаешся, то мы придемъ къ тебѣ до захожденія солнца къ Ормусскимъ воро́тамъ, которыя не далѣе отсюда одной мили.

Календеры дѣйствительно изъ лѣсу вышли, въ которомъ оставшись Фарукъ работалъ коломъ изъ всѣхъ своихъ силъ, чтобъ выкопать яму для положенія мертваго тѣла. Онъ упражнялся еще въ своей работѣ, какъ ѣхала мимо сего мѣста команда Ормусскаго Кадія. Какъ всегда почти рассуждаютъ о житіи по наружнымъ видамъ, то Фарука

рука схватили подЪ карaулЪ, подозрѣвая быть его убійцею сего мертваго тѣла. Сколько онЪ ни свидѣтельствовался небомЪ вЪ своей невинности, однако привязали его кЪ лошадиному хвосту, и привезли такимЪ образомЪ вЪ ОрмусЪ, гдѣ онЪ брошенЪ былЪ вЪ темницу.

Два календера вЪ такомЪ состояніи его видѣли: мы вить ему, говорили они промежЪ собою, предсказывали его нещастіе, и онЪ дошелЪ до того своимЪ упрямствомЪ, и шли за нимЪ издали; но опасаясь чтобЪ и ихЪ не вмѣшали вЪ такое важное дѣло, не осмѣлились они просить за него.

ПринцЪ Гурскій просидѣлЪ всю ночь вЪ преужасной тюрьмѣ; а на утро представили его Кадію: онЪ былЪ допрашиванЪ, и сколько кЪ

своему оправданію ни предъявлялъ, однако ничего принято не было: на послѣдокъ осужденъ былъ на смерть, и выведенъ тотчасъ на Ормусскую площадь, чтобъ повѣшену быть.

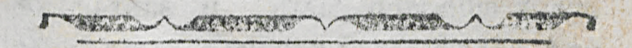
Сей монархъ стоя у висѣлицы слушалъ о себѣ приговоръ спокойнымъ духомъ. О небо! вскричалъ онъ по прочтеніи, ты всегда справедливо: должно ли, чтобъ я наказанъ былъ за такое дѣло, которое заслуживаетъ награжденія передъ Богомъ, и чтобъ виноватѣе? Ахъ, разумные календеры, вы по справедливости отговаривали мнѣ погребать мертвое сїе тѣло.

Принцъ вымолвилъ сїи слова, взглянулъ нечаянно на Кадїеву руку, который хотѣлъ самъ присудствовать при сей казни, и узнавъ на его

паль-

пальцѣ свой перстень, отданной убійцамъ: Ахъ! милостивой государь, сказалъ онъ ему: великій пророкъ стараясь безъ сомнѣнія о моей пользѣ, не хочетъ дать пропа́сть невинному, вотъ на вашемъ пальцѣ тотъ перстень, которой отдалъ я тѣмъ, кои зарѣзавъ музюльмана, хотѣли еще произвести и надъ его тѣломъ неслыханное безчеловѣчіе. Теперь вамъ лехко найти виноватыхъ, и два календера, мои товарищи, которые должны теперь быть въ Ормусѣ, также ихъ узнаютъ, какъ и я.

Кади услыша сіе, поблѣднѣлъ какъ смерть: онъ казнь Гурскаго Принца отложилъ, и пошелъ домой.



СЕМЬ-

СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я имѣлъ честь Вашему Величеству вчера сказывать, говорилъ Бенъ-Эридунъ, что Ормусскій Кади чрезвычайно изумился, когда увѣрилъ Фарукъ, что у него былъ на рукѣ его перстень; да онъ и причину къ тому имѣлъ, по тому что онъ купилъ его за двѣ тысячи и триста чекиновъ у роднаго своего единороднаго сына, про котораго носился слухъ, что онъ былъ великой мотъ, и водилъ знакомство съ мошенниками. Пришедъ домой сей судья, немедленно велѣлъ сыскать своего сына: одинъ невольникъ ему сказалъ, что онъ съ десятью, или двенатцатью изъ своихъ пріятелей пошолъ гулять въ загородной садъ. Кади поѣхалъ туда тотчасъ самъ, и захвативъ ихъ всѣхъ подъ караулъ, представилъ

вилъ Фаруку, чтобъ онъ узнавалъ тѣхъ убійцъ. Сей Принцъ разглядывалъ ихъ одного за другимъ, и узнавъ двоихъ, не смотря на перемѣнное платье: вотъ, милостивой государь, одному изъ сихъ двоихъ, сказалъ онъ Кадію, указывая прямо на его сына, отдалъ я мой перстень для искупленія мертваго тѣла: это онъ, и одинъ изъ сихъ молодыхъ монашковъ умертвили человѣка, чему свидѣтель я и два календера: другихъ же участниковъ въ ихъ злодѣйствѣ я между сими людьми не нахожу; и естьли вы, милостивой государь, на моихъ словахъ не утверждаетесь, то прикажите найти въ Ормусѣ двухъ моихъ товарищей. Когда они виноватыхъ не презнаютъ, то я хочу потерять жизнь мою наилютѣйшимъ мученіемъ. Календеровъ найти не трудно было; ихъ

при-

привели въ садъ, гдѣ былъ Кади; они рассматривали двенатцать заключенныхъ, и подтвердивъ доказательство Фаруково, весьма удивились также какъ и Принцъ, видя, что Кади рвалъ на себѣ платье и челму, и бросился брюхомъ на землю: Ахъ, нещастной отецъ! вскричалъ сей судья, которому уличенiе календеровъ не могло быть подозрительно, должно ли тебѣ предать единороднаго своего сына безчестной казни? Нѣтъ, сквернавецъ, сказалъ онъ ему, я до безславiя себя не допущу; однако ты смерти не избѣжишь, и я буду самъ твой палачъ. Потомъ схвативъ саблю у одного изъ предстоящихъ, срубилъ сему злодѣю голову, и пытая прочихъ одиннатцать товарищей, вывѣдавъ у нихъ претысячи ужасныхъ злодѣйствъ, умертвилъ ихъ всѣхъ, сбросивъ съ высо-

кой

кой башни на желѣзные крючья, и оставилъ въ Ормусѣ ужасной примѣръ своего правосудія.

Сей нелицемѣрный и чести наполненный судья не могъ безъ ужаса вздумать, какъ было онъ осудилъ Фарука: о небо, вскричалъ онъ, такъ безъ сего перстня умертвилъ бы я неповиннаго? Сколь наше проницаніе ограничено, и сколь лехко ошибиться въ такомъ званіи, какъ мое. Этого довольно, я отъ онаго отказываюсь, и хочу во всю мою жизнь просить у Бога отпущенія въ грѣхахъ, которые, можетъ быть, я содѣлалъ невѣдѣніемъ, предупрежденіемъ, или лѣностію въ точномъ изслѣдованіи дѣла. Потомъ оборотясь къ Фаруку, который указавъ Кадію того, кому отдалъ свой перстень, не зналъ, что ему сей столь былъ

дорогъ:

дорогѣ: богобоязливый календерѣ, говорилѣ онѣ ему, оставь сіе платье, и живи у меня на мѣсто сего злодѣя, котораго я казнилѣ за всѣ его преступленія: я отдаю тебѣ все мое имѣніе, когда ты имѣешь оное толь хорошо употреблять, возьми оное, прошу я васѣ, и сдѣлай мнѣ, чтобѣ я сѣ удовольствіемѣ пошелѣ вѣ гробѣ, вѣ которомѣ почти ужѐ стою одною ногою.

Фарукѣ, милостивѣйшій Государь, приведенѣ вѣ жалость словами сего нещастнаго отца, бросился кѣ его ногамѣ: присудствіе мое, сказалѣ онѣ ему, великодушный Кади, безпрестанно будетѣ вамѣ приводить только на памать печальную смерть вашего сына, позвольте лучше, чтобѣ я удалилѣ отѣ вашихѣ глазѣ предметѣ . . . На противѣ того отвѣчалѣ сей судья,

оно

оно истребитъ напамятованіе, которое воображало бы мнѣ непрестанное уединеніе, въ которомъ я отнынѣ жить намѣренъ, не оставь меня, я тебѣ еще разъ повторяю, естьли ты имѣешь какую либо жалость съ нещастнымъ отцомъ. Кади обнималъ съ горячностію Фарука при своемъ прошеніи, и Принцъ не могши противиться его слезамъ, согласился на все, чего онъ отъ него требовалъ.

Вотъ нашъ Гурскій Царь сдѣлался пріемышемъ Кадія, и принужденъ окончать свои дни въ Ормусѣ. Но другіе два календера на то не согласились, сколько Принцъ ихъ ни обнадеживалъ своимъ неоставленіемъ, однако не могъ уговорить: они держались своего намѣренія, чтобъ итти въ Индію и въ Китай: и Фарукъ могъ только

ихъ

ихъ едва принудить взять на каждаго по двѣ тысячи золотыхъ чекиновъ.

Принцъ Гурскій, милостивѣйшій Государь, жилъ щастливо и спокойно съ Кадіемъ, который не смотря на его сопротивленія, учинилъ его своимъ наслѣдникомъ: онъ обходился съ нимъ, и любилъ его такъ какбы роднаго своего сына, и сей доброй старикъ не могъ нарадоваться, что столько удалось ему въ его выборѣ; однако не долго наслаждался своимъ усыновленіемъ: онъ чрезъ восемь мѣсяцовъ занемогъ весьма опасно, и на послѣдокъ препоручилъ праведную свою душу въ руки Ангела смерти.

Фарукъ пришелъ отъ того въ безпритворную и искреннюю печаль: Потомъ разсмотрѣлъ, на сколько про-

простирается его имѣніе, и видя что оное было весьма многочисленное, то раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ одну взялъ себѣ, а другую употребилъ на построеніе мечети и гостинницы у воротъ Ормусскихъ. По окончаніи оной мечети положилъ тамъ своего благодѣтеля, и сдѣлавъ ему самъ похвальную надгробную надпись, велѣлъ вырѣзать оную на марморномъ при гробницѣ столбѣ.

Принцъ Гурскій исполнилъ всѣ должности усерднаго сына, скучилъ скоро празднымъ своимъ въ Ормусѣ житіемъ. Напамятованіе прежняго его состоянія непрестанно поощряло его учинить какія либо дѣла̀, которыя моглибъ его возвести на первую степень его великости. Для достиженія того вознамѣрился онъ продать остальное

ное Кадіево имѣніе, и вооружить корабль, которымъ бы могъ прославить свое имя. Онъ намѣреніе сіе исполнилъ, и выбравъ въ Ормусѣ храбрѣйшихъ людей, въ короткое время толикую пропустилъ славу по Арапскому морю, и по всему Индѣйскому Океану, что только лишь и говорили о его неустрашимости и его побѣдахъ.

Въ тогдашнее-то время, милостивѣйшій Государь, попались ему въ полонъ Принцессы Тефлиская и Борнейская. Ваше Величество знаете продолженіе его похожденій до того времени, какъ Гюльгюли-Шемаме упала въ море: и вотъ что читалъ я далѣе о его жизни въ лѣтописцахъ острововъ Дивандуруских.

Фарукъ проснувшись чрезвычайно изумился, не видя больше Принцессы

цессы на корабль. Ему сказали о случившемся паденіи ночью, и онъ столь сильно отъ того запечалился, что многократно самъ себя хотѣлъ умертвить: однако не допустили его до такого отчаянія, всѣ бывшіе на кораблѣ люди, и на конецъ успокоили его разумными представленіями.

Въ то время какъ Принцъ на́чалъ быть нѣсколько спокойнѣе, усмотрѣлъ онъ и́здали два судна̀, идущія по вѣтру на него; онъ не усомнился ихъ дожидаться, и напавъ на нихъ, въ своемъ отчаяніи оказалъ онъ столь удивительныя дѣла̀ своей храбрости, что вскорѣ ими завладѣлъ. Онъ сіи два судна̀ осмотрѣлъ, и велѣлъ перевести на свой корабль плѣнныхъ, которые казались ему быть не подлаго рода, приказалъ на другихъ

наложить цепи, для одной только своей безопасности, и до прибытія до какой либо пристани, гдѣ намѣренъ онъ былъ даровать имъ вольность.

Семьдесятъ вторая четверть часа.

Между плѣнниками, находившимися на Фаруковомъ кораблѣ, были два молодые человѣка, весьма собою пригожіе и чисто одѣтые, которыхъ лица Принцу Гурскому не совсѣмъ незнакомы были. Онъ долго добирался, гдѣ бы ихъ могъ видѣть, однако не вспомнилъ; и спросивъ у нихъ, не встрѣчались ли они съ нимъ гдѣ? Одинъ изъ нихъ ему отвѣчалъ, что онъ никогда имѣть сей чести не помнилъ, и что больше ужѐ трехъ лѣтъ, какъ

Они странствуютъ въ Китаѣ и Индіи.

Фарукъ думая въ томъ ошибиться, симъ отвѣтомъ былъ доволенъ, и препроводя остатокъ дня въ покоѣ, [естьли могъ только оной имѣть, лишившись Принцессы Тефлиской] затворился въ своей каютѣ, и утомясь дневными трудами, заснулъ онъ весьма спокойно.

Сна его больше двухъ часовъ не было, какъ онъ вдругъ пробудился отъ сновидѣнія, которое показалось ему весьма важнымъ. Тотъ человѣкъ, котораго онъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ погребъ близъ Ормуса, явился ему во снѣ. Ты справедливо, государь мой, говорило ему сіе привидѣніе, представлялъ двумъ календерамъ тво-

имъ товарищамъ, которые отговаривали тебѣ покрыть меня землею, что доброе дѣло никогда безъ награжденія не остается. Вотъ пришло теперь время, что я могу тебѣ отплатить за твою богобоязливость: два человѣка, о которыхъ ты вчера не могъ вспамятовать, мои убiйцы, то есть, тѣ, кои спаслись отъ казни своимъ бѣгствомъ: они тебя весьма узнали, не смотря на перемѣну твоего состоянія, и опасаясь справедливаго наказанія за свои злодѣйства, зарѣзали ужѐ у твоихъ дверей часоваго, и тотчасъ взойдутъ сюда, чтобъ и тебя зарѣзать.

Принцъ, какъ я ужѐ Вашему Величеству сказывалъ, по окончаніи сего сновидѣнія проснувшись, не почелъ за пристойно презрѣть толь полезное предсказаніе; онъ всталъ,

и

и услыша стукъ у дверей своея каюты, которая нѣсколько освѣщена была горящею лампадою, взялъ свою саблю, сталъ за дверью, ожидая збытія толь необыкновеннаго сновидѣнія. Лишь только такимъ образомъ успѣлъ онъ стать, какъ потихоньку дверь его отворилась, и увидѣлъ онъ вошедшихъ двухъ здодѣевъ, каждаго съ кинжаломъ въ рукахъ; онъ до себя ихъ не допустилъ, и отрубивъ у одного саблею руку, а другаго хлеснулъ ефесомъ въ рожу, кликнулъ своихъ матросовъ, велѣлъ имъ схватить сихъ убійцъ, и выговоривъ имъ смертноубійство, учиненное близъ Ормуса, велѣлъ ихъ тотчасъ повѣсить на корабельной мачтѣ.

Фарукъ расказалъ всѣмъ бывшимъ на суднѣ, какимъ образомъ

спасъ онъ свой животъ отъ сновидѣнія, заперся опять въ свою каюту, благодарилъ съ колѣнопреклоненіемъ великаго пророка за такую посланную ему нечаянную помощь, и легши опять на постелю, лишь только онъ заснулъ, какъ тотъ же человѣкъ явился ему въ другой разъ: этого не довольно, сказало ему, сіе привидѣніе, чтобъ спасти только твою жизнь отъ злоумышленія сихъ злодѣевъ; сіе необходимо я долженъ былъ для тебя сдѣлать; но еще хочу, чтобъ ты зналъ, кому ты сею предосторожностію долженствуешь. Меня звали Алмазомъ; я былъ единородный наслѣдникъ Зелабдина, Царя Дивандуруских островов; тому ужè шесть лѣтъ, какъ получа дозволеніе отъ Царя, моего отца путешествовать, отправился я самъ четвертъ только въ намѣреніи объѣздить

ѣздить Персію и Татарію; три мои товарища во время сей ѣзды померли: и я возвращался одинъ подъ скрытымъ именемъ въ Ормусъ, чтобъ нанявши тамъ судно отъѣхать въ Дивандуру, какъ умерщвленъ я былъ сыномъ Ормускаго Кадія.

Отецъ мой съ самаго моего отъѣзда ничего обо мнѣ не слыхалъ, и ожидая моего возвращенія съ нетерпѣливостію, близъ мѣсяца одержимъ болѣзнію, отъ которой онъ, какъ написано на дскѣ свѣтила, излѣчиться не можетъ, и великій нашъ порокъ исходатайствовалъ въ мою пользу, чтобъ мечь Ангела смерти оборжавѣлъ въ ножнахъ до самаго твоего пріѣзда въ Дивандуру, гдѣ ты женишся на Принцессѣ Герунѣ, моей сестрѣ; поѣжжай туда безъ опасенія, я воз-

вѣщу тамъ твой пріѣздъ; а чтобъ въ тебѣ не могли опознаться, то положу на тебя печать предопредѣленія. Потомъ оное привидѣніе прижало огненную печать къ Принцовой рукѣ столь крѣпко, что почувствовавъ тотчасъ великую боль, такъ громко закричалъ, что разбудилъ всѣхъ своихъ людей; они къ нему прибѣжали; онъ расказалъ имъ вторичное сіе сновидѣніе; и нашедъ оное дѣйствительнымъ по знаку, учиненному на его рукѣ, и въ которомъ ясно прочесть было можно имя Божіе и великаго пророка, не усомнился онъ болѣе держать свое плаваніе къ островамъ Дивандурускимъ, куда и прибылъ чрезъ пять недѣль.

Благополучные вѣтры ввели его въ пристань въ назначенной срокъ. Царь сихъ острововъ крайнѣ былъ боленъ,

боленЪ, и Принцесса, его дочь, не отходя отЪ него ни на минуту, чрезвычайно о томЪ сокрушалась: наступающая смерть ея отца приводила ее со всѣхЪ сторонЪ вЪ достойное жалости состоянiе. Царь Кананорскiй, котораго предки имѣли прежде сего нѣкоторое право требовать острововЪ Дивандуруских Ъ, ожидалЪ только Зелабдиновой смерти, чтобЪ учинить нападенiе на его царство, и пользоваться отсудствiемЪ Принца его сына; но ФарукЪ, милостивой Государь, весьма инако состоянiе дѣлЪ перемѣнилЪ.

АлмазЪ явился Царю, своему отцу, ночью на канунѣ прiѣзда Гурскаго Принца, увѣдомилЪ его о своей безчеловѣчной смерти, о жалости Фаруковой, о повелѣнiи данномЪ ему сЪ небеси заклеймить

его печатью, и послать въ Дивандуру для бракосочетанія съ Геруною, и приказалъ ему отъ имени великаго пророка приготовляться свято къ смерти.

Зелабдинъ, удивясь сему сновидѣнію, приписывалъ оное дѣйствію жестокой горячки: но въ такую же пришелъ онъ горесть, когда Геруна, которая спала подлѣ кровати своего отца, вдругъ вскочила, и надернувъ на себя спальное платье, подбѣжала къ Зелабдиновой постелѣ. Ахъ! милостивой государь, говорила она ему заливаясь слезами, конечно моего брата нѣтъ больше на свѣтѣ! Я видѣла его теперь всего окровавленнаго; онъ меня увѣдомилъ, что зарѣзалъ его сынъ Ормускаго Кадія; что одинъ молодой Принцъ прикрываясь подъ календерскимъ платьемъ

емъ его похоронилъ; что сей же самой Принцъ, котораго узнáемъ мы по имени Божїю, запечатлѣнному на его рукѣ, прибылъ сюда сего же часа для сопротивленїя несправедливому Царя Кананорскаго предпрїятїю, и что написано на небеси нашему свободителю быть моимъ супругомъ. Ахъ, любезная моя Геруна, отвѣчалъ печальной Зелабдинъ, твое сновидѣнїе весьма истинное! Алмазъ, который также и мнѣ явился, тоже самое сказывалъ: но онъ присовокупилъ еще къ тому одно извѣстїе, которое ты, по твоей ко мнѣ горячности, можетъ быть, скрываешь, опасаясь меня испугать: Азраилъ стоитъ въ головахъ моей кровати, ожидая исхода моей души, и союзъ ея съ моимъ тѣломъ столь ужè не долговременнен, что я едва буду имѣть удовольствїе видѣть тебя

соединенную съ Принцомъ Гурскимъ Ахъ, милостивой государь, сіе-то обстоятельство хотѣла я отъ васъ умолчать, и которое въ несносную меня печаль ввергаетъ, отвѣчала Дивандуруская Принцесса, не ужѐ ли я васъ, милостивой государь, лишаюсь, . . Конечно, моя дочь, перервалъ Зелабдинъ съ твердостію, станемъ мы оба пріуготовляться къ жестокому сему разлученію основательною преданностію, которой требуетъ отъ насъ точное сходство нашихъ сновидѣній; и прочти мнѣ, пожалуй, статьи изъ алкорана, которые повелѣваютъ намъ взирать на сей необходимой путь безъ ужаса.

Геруна, обливаясь слезами, вынула алкоранъ изъ зеленой суконной сумки, читала своему отцу до самаго разсвѣта многія главы

изъ сей божественной книги, и была еще въ семъ набожномъ упражненiи, какъ пришли доложить Царю о прибытiи въ пристань одного корабля, который привезъ извѣстiе о Принцѣ Алмазѣ.

СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТIЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Услыша сiю вѣдомость, которая возбудила всю Зелабдинову горесть, вскричалъ онъ: Ахъ, любезная моя Геруна, вотъ наши сновидѣнiя совершились: поди хорошенько уберись, чтобъ выттти предъ Гурскаго Принца, и прикажи ввести его въ мой покой безъ замедленiя. Геруна пошла одѣваться между тѣмъ какъ пошли сказать Фаруку о повелѣнiи Царя Дивандурускаго. Молодой Принцъ

введенъ будучи въ спальню умирающаго монарха, столько увидѣлъ печали на его лицѣ, что не въ силахъ былъ выговорить ему о смерти его сына. Зелабдинъ оное примѣтилъ, государь мой, сказалъ онъ ему слабымъ голосомъ, мнѣ ужѐ ваше имя и причина вашего прiѣзда не безъизвѣстна; не опасайтесь умножить мою горесть объявленiемъ о смерти дражайшаго моего сына Алмаза: онъ самъ предупредилъ меня о такомъ печальномъ приключенiи. Фарукъ, милостивой государь, не зналъ что отвѣтствовать на Зелабдиновы словà, какъ вошла въ его спальню прекрасная Геруна. Гурскiй Принцъ увидя ее упалъ безъ памяти, да и притомъ на царскую кровать: сiе приключенiе сего монарха и его дочь привело въ крайнее удивленiе.

Натура сама, милостивой Государь, продолжалЪ БенЪ - ЭридунЪ забавлялась пріуготовить путь кЪ любви между ФарукомЪ и Геруною. Сія Принцесса столь совершенно сходна была на Гюльгюли - Шемаме, что ПринцЪ Гурскій не могЪ на нее взглянуть безЪ чрезвычайнаго смущенія. Мало по малу онЪ очувствовался, и узнавЪ по различію стана, что онЪ ошибся, не разсудилЪ за пристойно открыть ГерунѢ потаенную причину скоропостижнаго такого обморока, и оборотясь кЪ Зелабдину: АхЪ! милостивой государь, говорилЪ онЪ ему, упустите мнѢ мое невольное неучтивство: прекрасные глаза прелестной Геруны такЪ чувствительно пронзили мое сердце, что я отЪ сего удара не вЪ силахЪ былЪ на ногахЪ устоять; но вздумавЪ извиняться вЪ одномЪ неучтивствѢ,

при-

примѣчаю я, что и въ другое еще попалъ; весьма непристойно говорить о любви въ мѣстахъ преисполненнымъ горестію и печалями; и хотя, кажется, имѣю я смѣлость къ тому по увѣренію данному мнѣ отъ тѣни Принца вашего сына, и по знакамъ божественнымъ, которые наклеймилъ онъ на правой моей рукѣ, однако довольно я чувствую мое неразуміе въ семъ случаѣ.

Все вамъ позволено, государь мой, отвѣчалъ печальной Зелабдинъ, когда небо предопредѣлило васъ быть супругомъ прекрасной Геруны; я бы весьма не милостивъ былъ, чтобъ противиться такой страсти, которая должна дѣлать все благополучіе ея жизни, а напротивъ того много радуюсь, что ея прелести столь скоро и чувствительно тронули чувства толь

со-

совершеннаго Принца: но пожалуй, государь мой, увѣдомь меня о жребіи моего сына, по тому что вы только одни можете мнѣ о томъ подать обстоятельное извѣстіе. Фарукъ въ сіе время не могъ преминовать, чтобы не увѣдомить Зелабдина о жалостной смерти Алмаза. Онъ раскалалъ ему всѣ оной обстоятельства, какъ можно покороче; наказаніе его убійцъ, явленіе нещастнаго сего Принца, и имянное отъ него повелѣніе ѣхать въ Дивандуру, гдѣ обнадежилъ онъ его о полученіи сѐрдца прекрасной Геруны.

Лишь только, милостивой государь, Принцъ Гурскій повѣсть свою окончилъ, какъ поспѣшно пришли сказать Зелабдину, что самъ Кананорскій Царь пріѣхавъ къ острову, туда высадилъ на берегъ многочислен-

численное войско, и что повсюду жжетъ и рубитъ. Ахъ, милостивой государь, сказалъ Фарукъ, мнѣ должно за васъ отмстить утѣсненіе несправедливаго сего монарха; я либо самъ погибну со всѣмъ моимъ войскомъ, или вскорѣ принесу предъ васъ его голову. Потомъ Принцъ отдавъ низкой поклонъ Царю, оборотился къ Принцессѣ, а вы, сказалъ онъ ей, прекрасная Геруна, позволите ли мнѣ ласкать себя, что ужè я вамъ столько милъ, чтобъ достоинъ былъ вашихъ къ небу молитвъ такой Принцъ, которой не пощадитъ до послѣдней капли своей крови, прежде нежели Царь Кананорскій совершитъ неправедное свое предпріятіе.

Дивандуруская Принцесса отъ Принцова привѣтствія изумилась: она

она не знала что на то отвѣтствовать; но какъ любовь ея казалась быть ободрена великимъ пророкомъ и ея отцомъ: то сказала ему, поди, государь мой, куда призываетъ васъ слава; дѣло наше весьма справедливо, чтобъ побѣжденъ былъ Царь насъ утѣсняющій: но не поступайте столь горячо вашею храбростію, чтобъ я могла отъ того имѣть новую причину къ горести. Принцесса не могла вымолвить сихъ словъ безъ краски въ лицѣ; и Фарукъ восхищенъ будучи радостію, видя склонное къ себѣ Принцессино сердце, побѣжалъ для произведенія въ дѣйство даннаго своего обѣщанія. Онъ собралъ во мгновеніе ока все свое войско, и соединивъ съ онымъ армію Царя Зелабдина, повелъ ихъ противъ непріятеля съ такою неустрашимостію, что видна была по его

лицу

лицу извѣстная надъ онымъ побѣда.

Царь Кананорскій такой сперва навелъ страхъ на весь островъ, что всѣ отъ него бѣжали: но Фарукъ поворотя бѣглецовъ, такъ сильно на него наступилъ, что онъ уже съ своей стороны принужденъ былъ назадъ податься. Пришедъ въ отчаяніе видя себя побѣжденнымъ отъ одного только человѣка, по тому что, такъ сказать, одинъ Фарукъ удерживалъ его побѣду, протирался онъ сквозь тысячу мечей для сраженія съ нимъ, и Принцъ Гурскій, желая нетерпѣливо перевѣдаться своими силами съ Царемъ Кананорскимъ, поскакалъ тотчасъ противъ него, поражая все, что ему ни попадалось: такимъ образомъ сразились они весьма ужасно, и на послѣдокъ сей бой обратился въ

пользу

пользу Фэрука. Царь Кананорскій лишился на ономъ живота, и какъ смерть его привела въ безсиліе солдатъ, то старались они убѣжать на свои суда, но Принцъ Гурскій немедленно слѣдуя за ними въ погоню, всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ, а суда ихъ отдалъ на разграбленіе.

По толь совершенной побѣдѣ Принцъ возвратился во дворецъ посреди восклицаній всего народа, и принятъ былъ Зелабдиномъ, а особливо несравненною Геруною, съ несказанною радостію. Симпатія, которая обыкновенно дѣлаетъ великіе успѣхи, въ короткое время столько преклонила къ нему сердце сей Принцессы, что она не могла утаить своего удовольствія, видя себя назначенною въ супруги толь совершенному Принцу.

СЕМЬ-

СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ и послѣдняя ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Фарукъ, милостивой государь, былъ собою весьма пригожъ, живъ тѣломъ, поступокъ благородныхъ, хорошаго духа, чрезвычайно проворенъ и храбръ несказанно. Сего довольно было для воспламененія молодой Принцессы, которую по щастливому ея сходству съ Гюльгюли Шемамею, сей молодой герой ужѐ обожалъ. Словомъ сказать, Зелабдинъ не хотѣлъ медлить ни часомъ въ совершеніи благополучія сихъ любовниковъ; онъ соединилъ ихъ того же дня, и объявя Фарука своимъ наслѣдникомъ, отправился вскорѣ потóмъ для принесенія отчета въ своихъ дѣлахъ предъ престоломъ величества Божія.

Вотъ, милостивой государь, всѣ похожденія Фаруковы. Сей Принцъ любимъ

любимъ будучи прекрасною Геруною, оплакавъ искреннѣ смерть Зелабдинову, препроводилъ свои дни съ достойною супругою въ пресовершенномъ благополучіи, и оставилъ по себѣ Принцовъ, которыхъ потомки и понынѣ еще царствуютъ въ островахъ Дивандурускихъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ

Доктора Абювекера.

Въ самое то время, какъ Бенъ-Эридунъ окончивалъ повѣсть о Фарукѣ, слышимы были во всей Астрахани тысячекратныя радостныя восклицанія, которыхъ звукъ дошелъ и до Шемсъ-Эддинова дворца. Сей Монархъ, удивясь такой новости, приказалъ немедленно Визирю мютамгиду освѣдомиться о причинѣ сего крика: онъ вышелъ за

тѣмъ

тѣмъ изъ дворца, но въ тужъ минуту опять воротился. Ахъ! милостивѣйшій государь, вскричалъ онъ съ великимъ восторгомъ; я теперь видѣлъ Абюбекера съ одною въ покрывалѣ женщиною, которую онъ ведетъ сюда за руку; конечно ваши злополучія прекращаются, и вашъ народъ чувствуемую отъ присудствія сихъ двухъ особъ въ сердцѣ своемъ радость изъявляетъ радостными восклицаніями.

Мютамгидъ не успѣлъ еще договорить Царю Астраханскому толь пріятную вѣдомость, какъ Бенъ-Эридуновъ отецъ взошелъ въ залъ, гдѣ сидѣлъ Шемсъ-Эддинъ, въ препровожденіи великой толпы народа, который выломалъ и двери; онъ повергнулся къ ногамъ своего Царя: Милостивѣйшій Государь, говорилъ онъ ему, вотъ вѣрный Вашъ

рабъ

рабЪ возвратился кЪ Вашему Величеству еще прежде назначеннаго срока, и привелЪ сЪ собою сокровище, которое не могЪ я нигдѢ индѢ найти, какЪ вЪ самомЪ СерендибѢ, то есть, сію женщину, которая имѢетЪ ВамЪ возвратить зрѢніе. Подойди поближе, любезной мой АбюбекерЪ, чтобЪ я могЪ тебя обнять, отвѢчалЪ Царь Астраханскій. Такіе подданные, какЪ ты, и твой сынЪ, заслуживаютЪ всякой монаршей милости и благоволенія: пускай же сія толь рѢдкая вЪ своемЪ родѢ женщина отвѢдаетЪ свой опытЪ; но я напередЪ тебѢ сказываю, что хотябы ей вЪ томЪ и не удалось, однако я все не меньше тобою одолженЪ буду.

ПредстоящаЯ вЪ покрывалѢ женщина, по сему повелѢнію подошла

шла къ Шемсъ-Эддинову трону; каждой съ великою жадностію хотѣлъ видѣть, что происходить будетъ; и не много людей, а особливо доктора̀, подавали вѣру сему лѣкарству, какъ оная женщина вынувъ изъ-за пазухи золотую фляшку, помазала Астраханскому Царю глаза̀ водою, собранною на чудномъ Середибскомъ деревѣ. Лишь только божественный сей сокъ коснулся до Шемсъ-Эддиновыхъ зорочковъ, какъ почувствовалъ онъ во всемъ своемъ духѣ нѣкоторую живость: два бѣльма, которыя препятствовали дѣйствію зрѣнія лучамъ, исчезли, и сей Государь получилъ опять въ сію минуту свое зрѣніе столь же чисто, каково оно было и до злодѣйства Бенъ-Букарова, который лишилъ его онаго толь безчеловѣчнымъ образомъ, вскичалъ съ радостнымъ восторгомъ: о небо,

небо, возможно ли статься, чтобъ мракъ, покрываемый мои глаза чрезъ толь долгое время, на конецъ исчезнулъ! Такъ, конечно, я вижу тебя, любезной мои Мютамгидъ: это вы, вѣрные мои подданные, которыхъ черты не могли изъ моей памяти выпти чрезъ толь долгое ослѣпленіе: такъ по этому я опять вижу свѣтъ!

Удивленіе столь было чрезвычайное, и радость столь неописанная, что со всѣхъ сторонъ слышно только было біеніе руками; но Царь приказавъ молчать, говорилъ къ покрытой женщинѣ, стоящей передъ нимъ въ учтивомъ молчаніи: кто бы ты такова ни была, преславная героиня твоего пола, ожидай всего за такую услугу, которая довольно награждена быть не можетъ: лишеніе любезной моей

ЗебдѢ-Эль-Катоны не дозволяетЪ мнѢ раздѢлить сЪ тобою мой тронЪ; никакая женщина, сколь бы она прекрасна ни была, во вѢки моимЪ сердцемЪ обладать не можетЪ, но будь увѢрена о благодарности безпредѢльной и всегда повторяемой.

ВпрочемЪ, государыня моя, не скрывайте больше отЪ меня и отЪ моихЪ подданныхЪ лица̀, которымЪ я столько одолженЪ: снимите, пожалуйте, сїе покрывало, и покажите намЪ глаза̀, коихЪ живость ослѢпляетЪ, хотя еще пламя оныхЪ и удерживается прикрытымЪ флеромЪ.

Покрытая женщина не могла ослушаться сей прозьбы. Она сняла свое покрывало: но каковЪ сталЪ тогда ШемсЪ-ЭддинЪ, увидя лице, котораго зрѢнїя не могЪ онЪ снести?

снести? Онъ упалъ на свой тронъ, и опомнившись спустя нѣсколько минутъ. Ахъ! Зебдъ-Эль-Катона, любезная моя Зебдъ-Эль-Катона, вскричалъ онъ, васъ ли это я вижу; и мое сердце, на которомъ глубоко вырѣзанъ вашъ образъ, не все ли представляющееся моимъ глазамъ за васъ почитаетъ? Нѣтъ, милостивой Государь, отвѣчала женщина, снявшая съ себя покрывало, обливаясь радостными слезами, я та Зебдъ-Эль-Катона, которую почитали вы мертвою: я жива, и столько притомъ щастлива, что прекратила ваши злополучія. Ахъ! безъ сомнѣнія, говорилъ Царь, обнявъ любезно свою супругу, всѣ мои нещастія окончились, когда я опять васъ вижу. Богъ мнѣ свидѣтель, что не приходило ни одного дня послѣ мучителнаго нашего разлученія, чтобъ я не проливалъ

ливалъ о васъ слезъ: но вотъ теперь ужѐ источникъ оныхъ пересохъ.

Сей разговоръ и взаимныя ласканія сихъ достойныхъ супруговъ чувствительно тронули предстоящихъ. Они весьма удивлялись толь чудному и нечаянному приключенію, да притомъ и самъ Абюбекеръ не менѣе тому дивился, который привелъ сію Принцессу изъ Серендиба въ Астрахань, не зная, что она Зебдъ-Эль-Катона. Вскорѣ послѣ сего щастливаго открытія печаль и молчаніе уступили мѣсто радости и весельямъ. Царь пребезмѣрно наградилъ Абюбекера и его сына, котораго навсегда при себѣ удержалъ. Разослалъ безчисленныя суммы по всѣмъ дервишскимъ монастырямъ и по мечетямъ для возблагодаренія великому пророку за его покровительство; но желая нетерпѣ-

терпѣливо знать, какою чрезъестественною силою супруга его ожила опять, и какимъ случаемъ встрѣтилась она Абюбекеру. Какъ скоро вошелъ во внутренніе свои покои съ своими Визирями и докторомъ, то просилъ Зебдъ-Эль-Катону въ ихъ присутствіи удовольствовать его любопытство. Царева, любя горячо своего супруга, не медлила ни минутою удовольствованіемъ его, и начала слѣдующими словами:

ИСТОРІЯ
о *Зебдъ-Эль-Катонѣ.*

О послѣднихъ моихъ къ вамъ, милостивой Государь, словахъ, упоминать больше нѣчего; они сказаны мнѣ были чрезъ великаго нашего пророка, и я не думала, чтобъ опять

когда либо соединиться намъ вмѣстѣ, видя отъ себя столь близко Азраила; между тѣмъ я не умерла, а только лишилась на нѣсколько времени дѣйствія всѣхъ моихъ чувствъ, которое конечно увѣрило, что я умерла: вы и сами тѣмъ обманулись, вы меня положили, какъ я послѣ свѣдала отъ Абюбекера, который не знавъ меня, расказывалъ всѣ ваши нещастія въ моемъ присутствіи Царю Серендибскому, въ украшенной драгоцѣнными каменьями гробѣ; но только предосторожность вы сдѣлали, что не закрыли мнѣ лицо, и сіе то самое спасло жизнь мою.

Драгоцѣнные каменья и золото, чѣмъ украшенъ былъ гробъ, принудили Арабскихъ разбойниковъ нести меня до безопаснаго мѣста. Отошедъ миль съ десять отъ того

мѣста,

мѣста, гдѣ они на васъ напали, начали они между собою дѣлить свою добычу; и ободравъ совсѣмъ мой гробъ, хотѣли обнажить меня, и бросить не подалеку оттуда, въ небольшую глубокую рѣчку; какъ одинъ изъ араповъ хотѣвъ распороть своимъ ножемъ рукавъ у моего платья, на которомъ нашитъ былъ одинъ изумрудъ, по неосторожности своей покололъ меня въ руку, и сей-то, милостивой Государь, случай избавилъ меня отъ смерти: крови изъ моей руки столь много вышло, что сей человѣкъ чрезвычайно тому удивился, и чувствуя во мнѣ еще нѣкоторой остатокъ теплоты и весьма тихое біеніе жилъ, рассудилъ онъ, что я въ такое состояніе пришла отъ чрезвычайной слабости. Онъ о семъ приключеніи ничего товарищамъ своимъ не сказывалъ, и положивъ меня

ня къ себѣ на плеча, понесъ меня къ рѣкѣ, будтобы бросить въ воду. Между тѣмъ временемъ разбойники удалились, совсѣмъ о томъ и не думая, что онъ зналъ нѣсколько лѣкарскаго искусства: онъ выпустилъ изъ меня крови сколько ему казалось надобно было для спасенія моей жизни, перевязалъ потомъ мою руку кисеею отъ своей челмы, и прыская мнѣ на лицо водою, мало помалу привелъ меня въ чувство.

Наконецъ, милостивой Государь, открыла я глаза, и когда въ состояніи была разглядѣть ближайшіе около меня предметы, то не мало удивилась; увидя себя одну съ незнакомымъ человѣкомъ: какъ изъ моихъ глазъ и моего движенія примѣтилъ онъ мое удивленіе и мою печаль, не опасайся, государыня

дарыня моя, сказалЪ онЪ мнѣ: ваша жизнь со мною вЪ безопасности, и честь ваша не подвержена никакому страху, по тому я не вЪ состоянїи на оную зломыслить, хотябы и желанїе кЪ тому имѣлЪ. Сїи слова страхЪ мой успокоили, и спрашивая у него, какимЪ случаемЪ попалась я вЪ его руки, услышала, государь мой, что на малой вашЪ караванЪ, за нѣсколько миль отЪ великаго Каира, напали Арабскїе разбойники, что вы сопротивлялись сЪ неслыханною храбростїю; но что напослѣдокЪ превосходному числу вы уступили, и со всѣмЪ нашимЪ конвоемЪ положены на мѣстѣ, будучи всѣ изрублены, и окружены болѣе тритцати вашихЪ непрїятелей, которые всѣ погибли отЪ вашей руки. Рассуди, душа моя, о моемЪ отчаянїи, слыша такую горестную вѣдомость; я больше

ше не считала васъ въ числѣ живыхъ, и желая отдать вамъ тотъ же долгъ, коимъ вы меня почтили, просила я моего арапа проводить меня до того мѣста, гдѣ происходило сраженіе: онъ въ сей угодности мнѣ не отрекся. Я будучи чрезвычайно слаба, не могла туда дойти скорѣе трехъ дней: мы рассматривали вмѣстѣ мертвыхъ; но какъ они всѣ были безобразны отъ истекшей крови, отъ изрубленныхъ лицъ, и отъ лежанія нѣсколько времени на воздухѣ, то не могла я подлинно узнать вашего тѣла; между тѣмъ нашла же я одно нѣсколько похожее на васъ, и которое почла за васъ самаго: я омывала его лицо моими слезами, думала признать въ ономъ нѣкоторыя дражайшія ваши черты, и моя печаль въ то время столь была чувствительна, что я безъ памяти

памяти упала на оное тѣло, которое обнимала любезно моими руками: арапъ отъ онаго меня оттащилъ. Я болѣе часа была безъ чувства, но на послѣдокъ опамятовалась. Мы выкопали обломками отъ сабли большую яму, чтобъ положить туда оное тѣло, которое я опять зарыла землею, и на конецъ оставила сіе плачевное для меня мѣсто.

Не смотря на мою печаль, я столь удивлялась скромности и учтивству моего арапа, что почти ежечасно оказывала ему за то мою благодарность. Государь мой, говорила я ему, какъ это возможно, чтобъ живучи вмѣстѣ съ разбойниками, были вы столь благородны, и столь противны ихъ поступкамъ, что кажется, вы не для такого подлаго и свирѣпаго званія

 рождены,

рождены, и конечно надобно думать, что какаянибудь необходимая крайность принудила васЪ жить сЪ ними. АхЪ! государыня моя, вскричалЪ арапЪ, хотя я и посредственнаго рода, однако вѣрно никогда на надѣялся быть вЪ сообществѣ сЪ такими злодѣями: отмщеніе только одно, которое хотѣлЪ я отплатить за безчеловѣчнѣйшую обиду, которую только вообразить можно, принудила меня пристать кЪ АрабскимЪ разбойникамЪ; но смерть моего непріятеля не возвратила мнѣ того, чего лишила меня неистовая его ярость. Сей человѣкЪ не могЪ промолвить послѣднихЪ словЪ безЪ довольнаго пролитія слезЪ; оныя возбудили мою жалость и любопытство; я просила его пожаловать мнѣ раскапать свои нещастія, и вотЪ, милостивой государь, какимЪ образомЪ онЪ началЪ свою повѣсть.

ПОХОЖДЕНІЕ

Арапа Абенъ - Азара.

Я, государыня моя, сынъ весьма богатаго Аденскаго брилiанщика: отецъ мой имѣлъ у себя искренняго друга, именемъ Самана, торгующаго брилiантами же; и сей другъ имѣлъ дочь четырью годами моложе меня, но превосходной красоты изъ всего Адена. Для большаго еще утвержденія своей дружбы, отецъ мой и его другъ, назначили своихъ дѣтей совокупить со временемъ бракомъ, такъ что, какъ скоро пришли мы въ разумъ, то сказывали молодой Абдармонѣ, чтобъ почитать меня какъ будущаго своего мужа; а отецъ мой мнѣ далъ знать, что ему весьма пріятно будетъ, когда я овладѣю сердцемъ сей любезной дѣвицы.

Рѣдко случается, чтобъ дѣти, которыми распредѣляютъ въ толь малыхъ лѣтахъ, точно послѣдовали воли своихъ родителей, да и кажется притомъ, будто сей родъ немилосердія преклоняетъ ихъ къ сопротивленію: однако съ нами, государыня моя, совсѣмъ противное случилось; чѣмъ больше приходили мы въ возрастъ, тѣмъ больше соотвѣтствовали намѣреніямъ нашихъ отцовъ. Я просиживалъ по цѣлому дню у маленькой моей любовницы, не ища другихъ забавъ: она не находила чувствительнѣйшаго удовольствія, какъ видѣть меня при себѣ, и ежели замешкаю я хотя одною минутою въ тѣхъ часахъ, въ которые обыкновенно я къ ней прихаживалъ, то дѣлала она мнѣ толь нѣжные выговоры, что оными еще болѣе любовь моя воспламенялась. Вы меня

ня не любите такЪ какЪ надобно, любезной мой АбенЪ- АзарЪ, говорила она мнѢ нѢкогда, и я довольно вижу, что я не столь прекрасна, чтобЪ вы только о мнѢ одной думали; вы часто кажетесь со мною замумчивы, между тѢмЪ какЪ я только о васЪ одномЪ сокрушаюсь: чего же не достаетЪ кЪ совершенству нашего благополучія? АхЪ! естьлибы я то знала, то хотябы стоило моей жизни, что сдѢлать любовника моего щастливымЪ, однако клянусь вамЪ, исполнила бы оное сЪ радостію. Вы очень несправедливы, любезная моя Абдармона, отвѢчалЪ я ей, и притомЪ совсѢмЪ напрасно сами себя безпокоите, за чѢмЪ выговаривать мнѢ то, чего я не заслужилЪ? Я люблю одну васЪ; ваша единая любовь дѢлаетЪ все мое благополучіе. Я грущу вЪ тѢхЪ мѢстахЪ, гдѢ не нахожу

хожу

жожу васъ; и естьли можетъ меня чтонибудь печалить, то только то, что наше благополучіе еще далеко отстоитъ, и что долженъ я ждать четыре года, чтобъ быть вашимъ супругомъ

Молодая моя любовница, продолжалъ Абенъ-Азаръ, не болѣе десяти, а я четырнатцати лѣтъ былъ, какъ происходили между нами толь нѣжные разговоры, рассудите же, каковы они могли быть, когда приближались мы къ толь желаемому времени. На конецъ, государыня моя, не думаю я, чтобъ можно было съ бо́льшею нѣжностію любиться, какъ мы; и мы достигали почти щастливую ту минуту, которая должествовала вѣнчать толь непорочную и вѣрную любовь, какъ вдругъ сдѣлались нещастнѣйшими въ свѣтѣ любовниками.

ками. Отцы наши поссорились по нѣкоторой зависти въ торгу своемъ: одинъ смертельной непріятель моего, постарался размножить ихъ ссору многими худыми переносами: и сей бездѣльникъ своимъ лукавствомъ въ такое привелъ ихъ несогласіе, что они возъимѣли другъ къ другу непримиримую ненависть. Для начинанія оной уничтожили они данныя о мнѣ съ Абдармоною обязательства; потомъ наистрожайше запретили намъ другъ съ другомъ видѣться, и во вѣки не ожидать ни малѣйшаго примиренія. Сколь сей ударъ для насъ чувствителенъ былъ! Я едва было съ горести не умеръ, и могу отдать справедливость Абдармонѣ, что она отъ того занемогла столь опасно, что была въ крайнемъ отчаяніи. Я услышавъ о семъ, съ превеликою горестію побѣжалъ къ Саману, бросился

сился къ его ногамъ, и не было такихъ униженныхъ словъ, которыхъ бы я не употребилъ для приведенія его въ жалость; однако онъ былъ не упросимъ; я представлялъ ему скорую Абдармонову смерть; но онъ тѣмъ ни мало тронутъ не былъ. Хотя къ дочери моей отцовскую горячность я имѣю, однако все мнѣ еще пріятнѣе, сказалъ онъ, видѣть ее во гробѣ, нежели въ рукахъ сына, крайняго моего непріятеля: и такъ не надѣйся меня преклонить, и убирайся скорѣе домой, естьли ты не хочешь, чтобъ я позабылъ остатокъ моей къ тебѣ милости. Я хотѣлъ было говорить еще, но жестокость Саманова такъ чувствително меня тронула, что я упалъ безъ памяти у его ногъ. Однако онъ и тѣмъ ни мало не подвигнулся; на противъ того велѣлъ двумъ невольникамъ, взявъ меня

ня въ такомъ состоянiи выбросить за ворота.

По нещастiю моему шелъ мимо той улицы отецъ мой, и услышавъ о недостойномъ со мною Самановѣ поступкѣ, крайнѣ тѣмъ огорчился, и велѣлъ перенести меня домой, гдѣ я опамятовался.

Учиненное мнѣ поруганiе было почти всѣмъ извѣстно, и моему отцу несказанно то было досадно: онъ запретилъ мнѣ подъ опасенiемъ своего гнѣва впасть когда либо опять въ такую же погрѣшность. Но сколь мало, государыня моя, имѣлъ я намѣренiя ему повиноваться! Прекрасная Абдармона столько мой духъ плѣнила, что не могъ ее такъ скоро позабыть; на противъ того искалъ всѣхъ случаевъ, чтобъ изустно ее увѣрить о вѣчной

вѣчной моей любви; но только она такъ строго была содержана, что ни коимъ образомъ не можно было мнѣ къ ней допустить. Я съ печали занемогъ, и къ большему моему нещастію увѣдомился я по выздоровленіи своемъ, что она вышла за Илекгана, сына нашего непріятеля. Каково мнѣ было слышать такую мучительную вѣдомость? Я произносилъ на Самана все то, что только вздумать можно было, въ ярости и отчаяніи. Ахъ, вскричалъ я, прекрасная Абдармона, возможно ли, чтобъ ты сдѣлалась жертвою подлѣйшаго изъ всѣхъ человѣкъ? Въ самомъ дѣлѣ, государыня моя, Илекганъ имѣлъ столь подлую осанку, грубой видъ, и неучтивые поступки, что вообще всѣми ненавидимъ былъ; но отецъ его уговорилъ къ тому Самана лукавыми ласкательствами, и

до-

доказавъ ему, что онъ не можетъ чувствительнѣе отмстить моему, какъ выдавъ Абдармону за его сына. Сей подлецъ ни мало не усомнился жертвовать свою дочь своему мщенію, и прекрасная Абдармона была жертвою ненависти нашихъ фамилій.

Однако не безъ крайняго сопротивленія отдали ее въ Илеклановы руки; она употребляла различныя средства для избѣжанія того; но напослѣдокъ должно было повиноваться неупросимому отцу: только же не могли ее принудить дать свое согласіе къ такому браку, которому бы предпочла она смерть, естьлибы позволили ей изъ того выбирать. Между тѣмъ Саманъ оставивъ званіе отца, чтобъ сдѣлаться палачемъ своей дочери, поручилъ ее въ руки Илеклану. Онъ

про-

проводилъ ее въ свой домъ, не много безпокоясь о ея къ нему отвращеніи, и думая, что довольно для него было согласія недостойнаго Самана, чтобъ требовать отъ Абдармоны чего жена не можетъ отказать своему мужу, нашелъ онъ въ добродѣтельной сей дѣвицѣ такое сопротивленіе, котораго никогда не могъ онъ преодолѣть ни прошеніемъ, ни угрозами. Нетерпѣливой его нравъ принудилъ принести о томъ жалобы свои Саману, который учинилъ жестокой выговоръ своей дочерѣ: но сія великодушная особа, не преступая границъ должнаго къ своему отцу почтенія, объявила ему, что она никогда не будетъ женою Илекгану. Нѣтъ, милостивой государь, сказала она ему, вы напрасно покушаетесь сдѣлать меня невѣрною; сердце мое по долговременнымъ прія-

ятностямъ привыкло любить Абенъ-Азара, въ чемъ я единственно слѣдовала вашему соизволенію, и я въ тысячу разъ предпочту лучше сей перемѣнѣ преужаснѣйшую смерть.

Саманъ удивился такому намѣренію: однако думалъ, что время можетъ оное истребить, и совѣтуя Илекгану поступать съ Абдармоною съ тихостію, увѣрилъ его симъ средствомъ преодолѣть молодую храбрость.

Илекганъ съ великимъ трудомъ могъ себя воздержать и слѣдовать сему совѣту: однакожъ вознамѣрился нѣсколько дней посмотрѣть, можетъ ли почтительное поведеніе преклонить толь гордое сердце, а потомъ ужé употребить всю свою власть, когдабъ того не удалось ему получить скромностію.

Я съ невѣроятною радостію свѣдалъ о благородномъ сопротивленіи Абдармоны, и о принятомъ намѣреніи Илекганомъ; я получилъ отъ того нѣкоторой лучь надежды, и всячески стараясь о опровержѣніи предпріятій подлаго моего соперника, нашелъ я способъ подкупить одного изъ его невольниковъ, и подговорилъ его, чтобъ меня провести ночью въ покой моей любовницы. Онъ исполнилъ то дѣйствительно. Я нарядился въ женское платье, чтобъ подать чрезъ то меньше подозрѣнія, кто бы увидѣлъ меня въ Илекгановомъ домѣ, и прошелъ такимъ образомъ въ покой любезной моей Адармоны. Она лежала на постелѣ облокотившись на руку, въ образѣ печальнаго человѣка. Я бросился предъ ея колѣна, и поцѣловалъ прекрасную ея руку съ такимъ ве-

ликимъ

ликимъ восхищенiемъ, что ей можно было догадаться, что равномѣрная вольность дозволена только одному любовнику. Сколь чрезвычайно обрадовалась она видѣть меня, столь не меньше и испугалась, рассудя, что я былъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Илекганъ былъ повелитель. Ахъ! мой другъ, сказала она обнявъ меня, бѣгите Бога ради отъ такихъ мѣстъ, гдѣ ваша жизнь крайней опасности подвержена; старайтесь, естьли возможно, вырвать меня изъ рукъ моего мучителя, и будьте увѣрены, что я претерплю лучше наилютѣйшiя мученiя, да и самую смерть, нежели нарушу мои клятвы, которыми я многократко вамъ клялась, чтобъ сéрдца своего кромѣ васъ, никому не отдавать. Когда такъ, государыня моя, отвѣчалъ я, пойдемъ же сей часъ со мною, я избавлю васъ отъ

такого человѣка, котораго поступокъ долженъ ненавидимъ быть цѣлымъ свѣтомъ.

Подкупленный мною невольникъ сперва было моему намѣренію попротивился, но попавшій ему въ руку бриліантъ его преклонилъ; я обѣщалъ его увести съ собою, и столько увѣрилъ его своею благодарностію за сію услугу, что онъ суверщенно согласился. Потомъ обнялъ я Абдармону съ чрезвычайнымъ восторгомъ, и мы хотѣли было выходить изъ ея покоевъ, и спасаться бѣгомъ, какъ Илекганъ предсталъ нашимъ глазамъ съ обнаженною саблею и съ восмью вооруженными наволъниками: я увидя ихъ столь чрезвычайно оторопѣлъ, что далъ время симъ подлецамъ меня схватить.

Абдармона ясно примѣтила по розъярившимся глазамъ нашего непріятеля, что нѣчего было намъ отъ него ожидать ни малѣйшей милости. Она не почла за нужно укрощать его гнѣвъ, и взглянувъ на него съ негодованіемъ, я не скрывала отъ тебя, варваръ, сказала она ему, пылающую мою страсть, которую я всегда имѣла къ Абенъ - Азару. Онъ любезенъ, и мнѣ милъ; я показалась ему предпочтительнѣе всѣхъ въ Аденѣ дѣвицъ: онъ любилъ меня со всевозможною горячностію, и я была его прежде, нежели несправедливая ненависть, поссорившии наши фамиліи, преклонила моего отца отдать меня тебѣ. Вотъ жестокосердый, все преступленіе, которое ты наказывать хочешь, и я сію казнь приму отъ тебя за милость. Потомъ подавъ мнѣ руку, я до-

вольно вижу, драгой мой любовникЪ, сказала она мнѣ сЪ твердостію, что мы оба теперь умираемЪ: недостойный ИлекганЪ, не столь великодушенЪ, чтобЪ насЪ отдать другЪ другу: станемЪ же приготовляться безЪ ужаса кЪ переходу вЪ спокойную и сладкую жизнь: тамЪ веселья наши не будутЪ возмущаемы ненавистью нашихЪ родителей; мы не увидимЪ тамЪ ни ревнивыхЪ, ни жестокосердыхЪ; и какЪ мы несемЪ туда сердца̀ горящія пламенемЪ, то безЪ сомнѣнія приняты тамЪ будемЪ вЪ число оныхЪ вѣрныхЪ любовниковЪ, которые не имѣютЪ инаго упражненія, какЪ только совершенно вдаваться вЪ удовольствіе любить, и взаимно любимымЪ быть.

Сей разговорЪ столь пріятной для меня, а огорчительной для

моего

моего соперника, еще болѣе поджегъ его ярость. Конечно, невѣрная, сказалъ онъ Абдармонѣ, бросившейся въ мои руки; конечно, ты умрешь, и умрешь отъ собственной моей рукѝ; мщеніе мое не совершенно бъ удовольствовано было, естьлибъ я препоручилъ оное другому: тогда вонзилъ онъ свою саблю въ грудь дражайшей моей любовницы, которая успѣла только на меня взглянуть, и сказать мнѣ простѝ.

Ахъ! государыня моя, продолжалъ арапъ, проливая ручьи слезъ отъ такого жалостнаго напамятованія, что я сталъ при такомъ кровопролитномъ позорищѣ? Я былъ, такъ сказать, неподвиженъ съ удивленія до того времени; но смерть Абдармонова скоро меня изъ онаго извлекла: я такой испустилъ ревъ,

 ко-

который перепугалъ державшихъ меня, и ярость моя столь ожесточилась, что вырвавшись изъ ихъ рукъ, бросился я на безчеловѣчнаго Илекгана. Я сшибъ его съ ногъ, и выдернувъ у него изъ-за пояса кинжалъ, не смотря на удерживаніе его невольниковъ, искололъ его во многихъ мѣстахъ; но притомъ столько я былъ внѣ себя, что всѣ его раны были весьма легкія. Меня збили, обезоружили, и ярость моего соперника умножась, видя текущую изъ себя кровь, привела его въ бѣшенство: Ахъ! супостатъ, сказалъ онъ мнѣ, не думай, чтобъ мщеніе мое довольствовалось отнятіемъ твоей жизни. Нѣтъ, нѣтъ, ты не пойдешь за Абдармоною: я предоставляю тебя къ казни гораздо мучительнѣйшей, нежели самая смерть. Потомъ велѣлъ онъ мнѣ связать руки и ноги. Ахъ! государына

сударыня моя, продолжалЪ АбенЪ-АзарЪ, обливаясь слезами, стыдЪ и отчаяніе пресѣкаютЪ мои слова, что я вамЪ скажу? Жестокосердый Илекганъ, сдѣлалЪ то, что я сталЪ не человѣкЪ, не лишивЪ меня однако жизни, и на конецЪ, по его приказанію, отнесли меня всего вЪ крови и безЪ памяти кЪ воротамЪ моего отца, гдѣ или, изЪ сожалѣнія, или, чтобЪ сдѣлать тѣмЪ чувствительнѣйшую ему печаль отЪ горестнаго моего состоянія, Илеккановы невольники стучали изЪ всѣхЪ своихЪ силЪ.

ОтецЪ мой услыша сей стукЪ всталЪ сЪ постели, засвѣтилЪ свою лампаду, и вышелЪ на улицу: какое было для него печальное позорище! ОнЪ разбудилЪ своимЪ воплемЪ всѣхЪ сосѣдей: меня перенесли тотчасЪ на постелю, посла-

ли за искуснымЪ лекаремЪ, который нѣкоторыми цѣлительными порошками остановилЪ тотчасЪ текущую изЪ меня кровь, и пóтомЪ помазавЪ мазью, я нáчалЪ отворять глазà, и подавать нѣкоторые знаки жизни. Но какЪ лишь скоро я совершенно опамятовался, то рассудя о печальномЪ моемЪ тогдашнемЪ состоянiи и Абдармоновой смерти, не хотѣлЪ я ее пережить: я оторвалЪ пластырь, привязанной на мои раны, и казался быть вЪ такомЪ великомЪ отчаянiи, что принуждены были меня связать, чтобЪ вылечить сверьхЪ моей воли. ОтецЪ мой сЪ крайнею досадою увѣдомился, что то было дѣло Илекганово; онЪ хотѣлЪ итти кЪ нему вЪ домЪ, чтобЪ заколоть его кинжаломЪ: но я не допустилЪ его до сего намѣренiя: положите на меня, милостивой государь, сказалЪ я

ему, попеченіе о моемъ мщеніи; и естьли я вамъ еще милъ, то не разглашайте о моемъ стыдѣ въ Аденѣ; я вскорѣ отмщу моему непріятелю за его жестокость. Отецъ мой сію угодность мнѣ сдѣлалъ. На конецъ, государыня моя, по прошествіи четырехъ мѣсяцовъ, въ состояніи я былъ исполнить мое предпріятіе. Но должно напередъ васъ увѣдомить, что происходило въ Илекгановомъ домѣ по учиненіи варварскаго поступка со мною, и по наказаніи зговорившагося съ нами невольника.

Сей плутъ послалъ тотчасъ по Самана, хотя ужѐ и очень поздо было; какъ его увѣрили, что то за весьма важнымъ дѣломъ, то онъ немедленно пришелъ къ Илекгану. Государь мой, говорилъ ему сей послѣдній, когдабъ вы были на

моемъ мѣстѣ, и естьлибъ не смотря на строгія запрещенія, учиненныя вашей дочерѣ, имѣть какое либо сообщество съ Абенъ-Азаромъ, вы бы застали здѣсь того и другаго, зговаривающихся о вашей погибели, и не оставляя никакого сомнѣнія о поруганіи вашей чести, то какое приняла бы тогда намѣреніе ваша любовь, столь немилосердо презрѣнная? Наискорѣйшее и жесточайшее, отвѣчалъ Саманъ, въ справедливомъ моемъ гнѣвѣ закололь бы я Абдармону и моего любовника. Я весьма радуюсь, сказалъ Илекганъ, что наши мысли столь сходны были, подите посмотрѣть, хорошо ли умѣю я мстить за безчестіе. Потомъ проводя его въ Абдармоновъ покой, показалъ ее ему плавающую въ своей крови, и увѣдомилъ его короткими словами, какимъ образомъ наказалъ онъ меня за мою любовь.

Саманъ

Саманъ вострепеталъ отъ ужаса, видя дочь свою мертвую; то, что онъ говорилъ, было, лучше сказать, дѣйствіе пребывающей между нашими фамиліями ненависти, нежели истинныя его мысли. Между тѣмъ, какъ осудилъ онъ насъ самъ, то не могъ отъ своего приговора отпереться; и сіе еще наиболѣе его возбудило противъ насъ, и вознамѣрясь погубить насъ при удобномъ случаѣ въ конецъ, для успѣха въ томъ, сдружился онъ съ Илекганомъ и его отцомъ, больше прежняго.

Какъ подлой Саманъ ни малѣйше не разглашалъ о Абдармоновой смерти, то ясно я догадаться могъ, что имѣлъ онъ какое либо злое намѣреніе. Я выѣхалъ изъ Адена, и приставъ къ шайкѣ Бедуанцовъ (разбойники) разъѣзжающихъ въ околично-

личностяхъ сего города, просилъ ихъ принять меня къ себѣ въ товарищи. Посредствомъ одного вѣрнаго невольника извѣстны мнѣ были всѣ поступки моихъ непріятелей. Я увѣдомился въ одинъ день, что они всѣ трое выѣхали изъ Адена, для препровожденія нѣсколькихъ дней въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ Саману. Какъ я бывалъ въ ономъ весьма часто, и зная совершенно всѣ мѣстà, откуда бы на оной напасть можно было, то предложилъ Бедуанскому атаману достать ему добычи въ одну ночь болѣе ста тысячь чекиновъ, только бы онъ мнѣ далъ довольное число людей, и позволилъ бы мнѣ совершенно отмстить тремъ моимъ жесточайшимъ въ свѣтѣ непріятелямъ.

Предложеніе мое принято было съ радостію: я выбралъ дватцать

человѣкъ самыхъ храбрѣйшихъ, растолковалъ имъ мое намѣренiе, и прiѣхавъ съ ними подъ вечеръ къ загородному Саманову дому, ввелъ ихъ до самаго зала, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ съ Илекганомъ и его отцомъ, захвативъ только нѣсколько невольниковъ, которые своимъ крикомъ моглибъ опровергнуть наши предпрiятiя. Я такъ искусно былъ переодѣтъ, что меня ни коимъ образомъ узнать было не можно. Моихъ непрiятелей схватили, уперли къ горлу кинжалами, и грозили ихъ заколоть, естьли не дадутъ они каждой отъ себя по цыдулкѣ, чтобъ привести изъ ихъ дому скрынку, въ которой заперты были всѣ ихъ брилiанты. Они принуждены были оное исполнить, думая чрезъ то спасти животъ свой; я тотчасъ ихъ цыдулки подхватилъ, и потомъ приказавъ имъ

связать

связать руки и ноги, и заткнуть ротъ, велѣлъ ихъ гнать палками, также и невольниковъ ихъ до маленькаго лѣску, гдѣ намѣрены мы были оную ночь пристать. Потомъ отдалъ я ихъ цыдулки нашему атаману. Онъ хотѣлъ оныя отвезти самъ, нарядился съ тремя арапами, и поѣхалъ на разсвѣтѣ дня въ Аденъ, гдѣ прикащики Сามановы и Илекганова отца (по тому что сей послѣдній и его сынъ такъ же переторговывали бриліантами) безъ всякаго затрудненія отдали имъ въ руки бриліанты своихъ хозяевъ, отъ которыхъ имѣли тольточныя повелѣнія. На послѣдокъ расказалъ я нашему атаману всю мою исторію, Самановo жестокосердіе и безчеловѣчной со мною поступокъ Илекгана; мсти какъ хочешь, сказалъ онъ мнѣ, я отдаю въ твои руки сихъ злодѣевъ; а когда ты

столь-

столько великодушенъ будешь, чтобъ имъ простить, то я самъ сдѣлаюсь ихъ да и твоимъ палачемъ. Я тотчасъ освободилъ невольниковъ, чтобъ они меня не узнали, и скинувъ съ себя платье, въ которомъ меня признать не можно было, я вскорѣ послѣ того показался моимъ непрїятелямъ: они увидя меня вострепетали, и просили у меня о своемъ животѣ со слезами, которыя начали было меня приводить въ жалость: но вообразивъ себѣ всю ихъ безчеловѣчность, выговаривалъ оную имъ съ яростїю, и заколовъ своею рукою Самана и Иленганова отца; не было такого рода мученїя, котораго бы я не употребилъ надъ подлымъ моимъ и жестокосердымъ соперникомъ, прежде нежели его умертвить. Я еще и теперь вспомнивъ то, ужасаюсь. Но чего, государыня моя, не въ состоянїи сдѣ-

лать

лать столь жестоко обиженной человѣкъ, какъ я былъ. Отмстивъ такимъ образомъ моимъ злодѣямъ, я не имѣлъ больше намѣренія слѣдовать за Бедуанцами: но только опасно быть въ сообществѣ съ людьми такого званія: не можно отъ нихъ отстать тогда, когда захочется. Покража бриліантовъ принесла мнѣ славу: оная произведена была съ толикимъ благоразуміемъ, что нашъ атаманъ имѣлъ ко мнѣ совершенную довѣренность. Не только чтобъ меня отпустить отъ себя, онъ ничего больше не хотѣлъ предпринимать безъ моего совѣта, и я принужденъ былъ сверьхъ моей воли остаться при немъ болѣе двухъ мѣсяцовъ до вчерашняго дня, какъ онъ убитъ былъ рукою вашего супруга. Какъ сія побѣда стоила намъ дорого, урономъ болѣе осьми сотъ арапова, и какъ силы наши

гораздо

гораздо уменьшились, то не разсудили за благо дѣлить добычу на мѣстѣ баталіи, опасаясь нечаяннаго нападенія. Мы всѣ разграбленныя вещи положили на себя: мнѣ поручили вашъ гробъ, по причинѣ вставленныхъ въ оной многихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и мы начали ужѐ свой дуванъ около того мѣ́ста, гдѣ, подъ видомъ бросить васъ въ рѣку, которая въ иныхъ мѣстахъ очень глубока, отдалился я отъ Бедуанцовъ. Смущеніе и безпорядокъ, происходившій между сихъ злодѣевъ, не допустилъ ихъ примѣтить моего отсудствія: я намѣренъ, государыня моя, симъ случаемъ пользоваться, и стараться добрыми безчисленными дѣлами исходатайствовать у неба отпущеніе моихъ беззаконій: а притомъ непрестанно буду раскаиваться въ край-

крайней моей противъ непріятелей моихъ жестокости.

Вотъ, государыня моя, обстоятельная и плачевная повѣсть моихъ нещастій: рассудите теперь, естьли вы не можете безопасно положиться на мое поведеніе, когда я готовъ слѣдовать за вами всюду, куда вы инпи ни пожелаете.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ

о Зевдъ Эль-Катонѣ.

Я слушала арапа Абенъ-Азара съ великимъ соболѣзнованіемъ, продолжала прекрасная Царевна Астраханская: какъ я, милостивой государь, не могла имѣть себѣ надежнѣйшаго товарища, то услуги его приняла, и мы пошли въ Аденъ по мало проѣжжимъ дорогамъ. Онъ о-

опасался, чтобъ не возъимѣли на него подозрѣнія въ убійствѣ своихъ непріятелей; того ради вступили въ оной уже подъ вечеръ, и пришли прямо къ дому его отца, которому онъ расказалъ ужасное свое надъ непріятелями отмщеніе, и какимъ случаемъ нашелъ онъ меня. Сей простодушный человѣкъ столько обрадовался, увидя своего сына, о которомъ никакой вѣсти не получалъ чрезъ долгое время, что едва было съ радости не умеръ. Я принята отъ него была со всякою учтивостію, и какъ для него нужно было изыскать основательную причину отсудствія своего сына, то разгласилъ вездѣ, что онъ пріѣхалъ изъ города Свакема, гдѣ на мнѣ женился. Немногіе достовѣрно знали о нещастіи Абенъ-Азара, выключая лекаря: но сей умеръ вскорѣ послѣ его излеченія, а Илек-

ганъ

ганъ не хвастался своимъ мщеніемъ. Какъ мнѣ нѣчего было опасаться подтверждать сплетенную сію ложъ, то почитали меня въ Аденѣ женою сего молодаго человѣка, и я жила съ нимъ около трехъ лѣтъ. Я просила его утаить о моемъ качествѣ отъ своего отца, и сказать ему, что будто я была жена одного Татарина, который возвращаясь изъ Мекки умерщвленъ былъ Бедуанцами: онъ слово свое здержалъ, но только сія предосторожность чрезвычайно мнѣ сдѣлалась прискорбною.

Абенъ-Азаровъ отецъ былъ старикъ, гораздо еще въ силахъ; я дѣлала ему всевозможныя угожденія: и по видимому вздумалось ему ни чѣмъ лучше за оныя мнѣ не отплатить, какъ своею любовію. Мнѣ кажется, онъ не малое время самъ

сѣ

съ собою боролся, прежде нежели мнѣ объявить оную; но на послѣдокъ утвердясь въ своихъ намѣреніяхъ, не хотѣлъ онъ долѣе оставить меня въ невѣдѣніи о склонности своего ко мнѣ сéрдца. Хотя въ своихъ желаніяхъ былъ онъ и скоропостиженъ, однако принялъ онъ въ томъ нѣкоторыя предосторожности, и объявилъ мнѣ весьма страннымъ образомъ. Въ Аденѣ почитаютъ васъ женою моего сына, говорилъ онъ мнѣ въ одинъ день: но сколько, государыня моя, похваляютъ его съ одной стороны въ хорошемъ избраніи вашей особы, столько съ другой сожалѣютъ о вашемъ неплодствѣ, и я боюсь, чтобъ открывши нашъ обманъ, не доказали на него въ убійствѣ Илекгана и другихъ его двоихъ непріятелей: древнюю нашу ссору возбуждаютъ; говорятъ о жестокомъ мщеніи, учинен-

ненномЪ надЪ Абен-АзаромЪ: дошли до моихЪ ушей нѣкоторые слухи, кои могутЪ подать поводЪ завидливымЪ почитать моего сына виноватымЪ; я не могу имѣть покоя вЪ толь важномЪ обстоятельствѣ, и только лишь вы одни, государыня моя, можете прекратить такія рѣчи. Я? отвѣчала ему сЪ великимЪ удивленіемЪ. Мнѣ все до васЪ касающееся столь чувствительно, что я ни вЪ чемЪ вамЪ отказать не могу: говорите, государь мой, обьявите мнѣ, какЪ должно вЪ ономЪ поступить для приведенія васЪ вЪ спокойствіе; вы увидите, что я трудиться буду вЪ томЪ сЪ радостію. Когда такЪ, государыня моя, отвѣчалЪ влюбившійся старикЪ, то вотЪ одно только кЪ тому средство. Когда мой сынЪ не вЪ состояніи удержать злыхЪ языковЪ, то почитаю за нужно

жно я въ томъ помо́чь, и надѣюсь, что я еще въ силахъ разрѣшить неплодство, о которомъ говорятъ во всемъ Аденѣ: сдѣлайся, государыня моя, моимъ посредствомъ матерью, и вотъ всѣ предпріятія, нашихъ враговъ опровержены будутъ: они почитать будутъ родныхъ моихъ дѣтей за моихъ внуковъ, и не рассуждая болѣе о такомъ дѣлѣ, которое наводитъ мнѣ крайнее безпокойство, Абенъ-Азарова жизнь будетъ въ безопасности.

Я, милостивой Государь, продолжала Зебдъ-Эль-Катона, чрезвычайно удивилась старикову предложенію, и многократно вознамѣривалась объявить ему о себѣ: но опасаясь, чтобъ не почелъ онъ того за пустую лишь толь-

ко отговорку, вздумала оное обратить въ шутку: онъ тѣмъ огорчился, мы съ нимъ поздорили, но на послѣдокъ помирившись, частыми своими и неотступными докуками въ такое привелъ онъ меня безпокойство, что я всего опасалась отъ его сумозбродства. Я открыла о томъ Абенъ-Азару, который вдругъ принявъ намѣреніе достойное честнаго человѣка, предложилъ мнѣ уѣхать съ нимъ вмѣстѣ на одномъ суднѣ, отправляющемся на утро въ Ормусъ. Я согласилась на оное съ чрезвычайною радостію: онъ запасся драгоцѣнными каменьями, и сѣвши на корабль вмѣстѣ, отъѣхали ужѐ далеко отъ пристани, прежде нежели сей смѣшной любовникъ подумалъ только о нашемъ побѣгѣ.

Вотъ,

Вотъ, милостивой Государь, очутилась я вдругъ съ Абенъ-Азаромъ на́ морѣ, въ намѣренiи, прiѣхавши въ Ормусъ, отправиться въ Астрахань. Вѣтры намъ были благополучные, и мы надѣялись вскорѣ туда прибыть, какъ вдругъ поднялась преужасная буря, которая, бивши наше судно чрезъ семнатцать дней не переставаючи, разбило оное на мѣлкiе куски объ одну каменную гору, которая казалась быть не далеко отъ матерой землй. Почти ни одинъ изъ насъ не погибъ въ семъ кораблекрушенiи: корабельные остатки, за которые мы ухватились, принесли насъ къ берегу; но въ какую же пришли мы всѣ печаль, увѣдомясь отъ нашего кормщика, что мы находились на пустомъ острову, на которой Царь Серендибской ссылалъ

обыкновенно своихЪ подданныхЪ, приговоренныхЪ кЪ смерти, что кЪ сему острову пріѣжжало судно одинЪ только вЪ году разЪ, а случается, что за неимѣніемЪ осужденныхЪ и чрезЪ нѣсколько лѣтЪ ни одно не пріѣжжаетЪ.

Сія печальная вѣдомость чрезвычайно насЪ оскорбила; мы обѣгали островЪ вокругЪ, нашли тамЪ нѣсколько развалившихся хижинЪ, но жителей ни единаго человѣка. Мы жили около мѣсяца сЪ великою бережливостію нѣкоторымЪ провіантомЪ, выбросившимся изЪ моря сЪ собственнаго нашего судна, а потомЪ принуждены были питаться весьма непріятными вкусу плодами. На послѣдокЪ, милостивой Государь, наибольшая часть нашихЪ товарищей померли ужè сЪ голоду,

ду, какъ увидѣли мы издали судно, которое казалось шло прямо къ нашему острову: мы въ томъ не обманулись; оное было съ Серендибскими ссылочными. Тому уже прошло болѣе трехъ лѣтъ, что туда никого не привозили, какъ мы о томъ провѣдали послѣ, и ежелибы прїѣздъ сего судна замедлилъ еще нѣсколько дней, тобы мы всѣ жалостно погибли.

Осужденныхъ высадили на берегъ; ихъ было только пятеро; оставили имъ нѣсколько провїанта, и тотъ, который управлялъ судно, посадивъ насъ съ собою, поѣхали мы къ Серендибу.

Насъ живыхъ осталось только девятеро: Абенъ-Аразъ былъ въ томъ же числѣ, и я прїѣхала съ

нимъ въ Серендибъ. Я не буду, милостивой Государь, пространно описывать богатства и великолѣпія царствующаго тамъ монарха: довольно сказать, что онъ наисильнѣйшій и справедливѣйшій изъ всѣхъ царей земскихъ, и что онъ милостію своею принялъ насъ со всякою отличностію. Претерпѣнное мною въ островѣ ссылочныхъ, и безпокойствія отъ морской ѣзды, совсѣмъ лицо мое перемѣнило. Между тѣмъ сей Государь примѣтилъ во мнѣ нѣкоторую красоту, и приказалъ содержать меня во всякомъ довольствіи; покой и хорошая пища скоро привели меня въ прежнее мое состояніе, и привлекли на меня его взоры.

Я жила вмѣстѣ съ Абенъ-Азаромъ, который и тутъ почитался

моимъ

моимъ мужемъ, во внутреннихъ покояхъ сего Государя. Онъ ежеминутно оказывалъ мнѣ новые знаки своего желанія, чтобъ мнѣ понравиться: только его старанія такъ почтителны были, что я оными ни мало не тревожилась. Между тѣмъ страсть его ежечасно умножалась, и вскорѣ толь сдѣлалась жестокою, что вознамѣрился онъ безъ поврежденія однако своего праводушія всякіе употреблять способы для разорванія брака, котораго тѣсной союзъ дѣлалъ его чрезвычайно ревнивымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Абенъ-Азара, и принявъ наиделикатнѣйшія предосторожности для объявленія ему о своей любви; онъ обѣщалъ ему дать безчисленныя богатства, и двадцать другихъ женщинъ на выборъ изъ своего сераля, естьли согла-

сится онъ со мною развестись, и преклонить меня къ соотвѣтствованію его страсти.

Абенъ - Азаръ, милостивой Государь, зная основательно тайну моего сéрдца, и вѣдая довольно, что я не весьма уважу толь щедрыя царскія милости, пришелъ въ изумленіе, слыша такое предложеніе: Всемилостивѣйшій Государь, сказалъ онъ ему, естьлибы требованіе Вашего Величества совершенно зависѣло отъ меня, то могу увѣрить, чтобъ я всячески старался преодолѣть себя для удовольствованія вашего: но женившись на прекрасной Фатмеѣ, симъ именемъ называлась я въ Аденѣ и Серендибѣ, обязался я преужасными клятвами, чтобъ не разводиться съ нею, развѣ только съ ея согласія. Пре-

клоняйте ее, чтобъ она на то согласилась; я вамъ съ моей стороны клянусь, что, сколько бы мнѣ ни горько было лишиться толь достойной жены, однако намѣреніямъ ея противорѣчить не буду, и тотчасъ уступлю ее вамъ: но только надобно пріуготовить ее къ сему предложенію всякими снисхожденіями и угодностями, которыя вздумать можетъ любовь наша: въ противномъ же случаѣ конечно она ужаснется, вообризивъ себѣ разлученіе, которое, какъ она меня стократно увѣряла, всю ея жизнь нещастливою сдѣлать можетъ.

Не можно было отвѣтствовать Царю Середибскому съ большимъ благоразуміемъ. Сей влюбившійся монархъ обнималъ тысячекратно

но Абенъ-Азара, и наградилъ его своими благодѣяніями.

Я скоро увѣдомилась о намѣреніяхъ Царя Серендибскаго: сколь я отвращенія ни имѣла льстить любви, для угожденія которой не намѣрена я была учинить ничего противнаго горячности, вкорененной въ моемъ сердцѣ къ Вашему Величеству; однако Абенъ-Азаръ подтвердилъ сей обманъ толь основательными доказательствами, что я принуждена была притворяться, и имѣть нѣкоторое къ сему Государю уваженіе. Лишь только онъ примѣтилъ нѣсколько, по его мнѣнію, склонности къ нему моего сердца, то тотчасъ изъявилъ радостные о томъ знаки многими великолѣпными и торжественными пиршествами. Абенъ-Азаръ самъ, не считая также какъ и я, болѣе васъ,

мило-

милостивой Государь, въ живыхъ, совѣтовалъ мнѣ отъ искренности соотвѣтствовать царской любви, и принять Серендибской престолъ: но я осмѣливаюсь Ваше Величество увѣрить, и слѣдствіе моего похожденія ясно то доказываетъ, что я ни мало не намѣрена была слушать сего предложенія, сколь бы оно для меня славно ни было. На конецъ сей монархъ, не осмѣливаясь чрезъ цѣлые три мѣсяца учинить мнѣ никакого точнаго объявленія, началъ имѣть толь великую надежду любимымъ быть и получить съ моей стороны согласіе къ разводу, что вознамѣрился вскорѣ представить мнѣ свою руку вмѣстѣ съ своимъ престоломъ, какъ Абюбекеровъ въ Серендибъ пріѣздъ опровергнулъ всѣ его предпріятія.

Теперь надлежитъ, милостивой Государь, сему вѣрному подданному расказывать остатокъ моей исторіи: а я вамъ только скажу, что я съ радости была внѣ себя, когда услышала отъ него, что вы были еще живы, и что почитала тогда за нужное увѣдомить Царя Серендибскаго о моемъ званіи, и о Абенъ- Азаровомъ обманѣ. Сколь влюбленъ сей монархъ ни былъ, однако выслушавъ съ крайнимъ удивленіемъ ваши и мои похожденія, уступилъ онъ великодушно владѣніе сердца, которое не могло быть его, и поспѣшествовалъ мнѣ во всемъ, что зависѣло отъ его щедрости, для возвратнаго моего пути въ Астрахань. Я взяла одно только судно для отвоза меня въ Ормусъ, и плаваніе наше было благополучное. Потомъ переѣхала

я всю Персію, въ препровожденіи одного только вѣрнаго Абенъ-Азара, котораго вы видите здѣсь, и Абюбекера, который не зналъ, кто я была такова; и я имѣла, милостивой Государь, утѣшеніе, возвратить вамъ зрѣніе, и представить вамъ супругу, которая донынѣ и впредь навсегда единственнымъ своимъ благополучіемъ почитать будетъ искреннѣ любимою быть отъ Вашего Величества.

Астраханскій Царь не могъ воздержаться отъ слезъ, слыша новыя обнадеживанія о горячности Зебдъ-Эль-Катоны. Онъ тысячекратно увѣрялъ ее о вѣчной любви. Потомъ оборотясь къ Абюбекеру, приказалъ ему раскасывать свое похожденіе. Сколь нетерпѣливо я ни желаю, сказалъ онъ ему, любезной мой другъ,

 знать

знать окончаніе похожденія прекрасной моей Царевы: однако, пожалуй, не пропускай ни малѣйшаго обстоятельства, случившагося съ тобою во время толь долговременной поѣздки. Я не сомнѣваюсь, чтобъ не приключилось съ тобою чего либо весьма страннаго, и чтобы то ни было, я готовъ слушать тебя со всякимъ удовольствіемъ.

Абюбекеръ отвѣтствовалъ Царю поклономъ своимъ до земли, который сказывалъ его повиновеніе. Потомъ сѣвъ опять на свое мѣсто, нижеслѣдующимъ образомъ началъ онъ раскавывать о своихъ приключеніяхъ съ отъѣзда его изъ Астрахани.

ПОХОЖДЕНІЕ
Доктора Абубекера.

Вашему Величеству не безъизвѣстно, что насмѣшка Астраханскихъ докторовъ, по причинѣ Серендибской птицы, наиболѣе меня побудила предпріять сію поѣздку: но я признаюсь чистосердечно, что я скоро раскаялся въ легковѣріи своемъ Арапскому писанію. Я оное читалъ въ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтахъ, и неосновательно о томъ помня, я не весьма увѣренъ былъ, чтобъ помянутая птица была въ Серендибѣ; того ради вознамѣрился до воспріятія пути въ сей островъ, посовѣтовать напередъ съ какимъ либо изъ славныхъ Философовъ, живущихъ на маленькой горѣ, стоящей посреди Индіи. Въ семъ намѣреніи поѣхалъ я отъ Астрахани,

хани, и переплывъ Каспїйское море, прибылъ я въ Дербентъ. Тщетно искалъ я нужной для меня женщины, чтобъ возвратить Вашему Величеству зрѣнїе, и какъ тамъ, такъ и во всей Персїи такой найти не можно было. Я проѣхалъ въ Таврисъ, изъ Тавриса въ Испагань, а оттуда въ Ширазъ, гдѣ нѣсколько времени я пожилъ: но осмѣлюсь ли я расказать вамъ, милостивой Государь, что случилось со мною въ семъ городѣ? Да для чего же нѣтъ; я позабавлю Ваше Величество моими шалостями, когда вы сами именно мнѣ повелѣть соизволили ни малѣйшаго обстоятельства не умалчивать. Я слыхалъ о дочерѣ Ширазскаго Кадїя, что она была дѣвица красоты пресовершенной. Видывалъ ее часто прохаживающуюся мимо моихъ воротъ: и

хотя

хотя лицо ея покрыто было весьма толстымъ большимъ покрываломъ, однако я столь прелестною воображалъ ее въ умѣ своемъ, что лишился отъ того пищи и питья. Но какъ одинъ разъ подняло вѣтромъ покрывало, утаивающее толикія совершенства, то я столько оными ослѣпился, что вознамѣрился употребить всѣ средства быть любиму отъ толь совершенной особы. Я не помышлялъ, что мнѣ было около пятидесяти годковъ, и что не такія уже́ имѣлъ лѣ́та, чтобъ возбудить сильныя страсти въ молодомъ сердцѣ. Глупая моя любовь все то привела у меня въ забвеніе. Я открылъ горячность мою къ Шагаріарѣ, такъ называлась прекрасная сія дѣвица, одной старушкѣ, живущей въ сосѣдствѣ Кадія, и которая вхожа была

въ

въ его домъ, и обѣщая ей великое награжденіе, когда она склонитъ может ко мнѣ въ любовь Шагаріярино сердце, начала она стараться въ мою пользу отъ всего своего усердія, и представляя мнѣ мою любовницу то немилосердою и жестокою, то склонною и зговорчивою, смотря по тому, какъ полезнѣе было ея карману; увѣрила меня на послѣдокъ, что сія прелестная красавица согласилась склониться на всѣ мои желанія. Я за сію вѣдомость заплатилъ весьма дорого; пріуготовлялся итти въ назначенное мнѣ мѣсто; одѣлся, какъ можно было почище, и непропустилъ опредѣленнаго часа. Старуха ввела меня въ Кадіевъ домъ; и одна молодая невольница проводивъ меня по узенькой лѣсницѣ на самое верьхнее жило, заперла

перла въ кабинетъ, гдѣ не долго былъ я во ожиданіи предмета моихъ желаній. Увидя сію красоту, съ превеликимъ восторгомъ бросился къ ея колѣнамъ, и облобызалъ оныя, не смотря на ея сопротивленіе, не въ силахъ промолвить ни единаго слова, какъ Кади, отецъ ея, вошелъ въ оной кабинетъ. Я въ то время чрезвычайно испужался, Шахаріера, усмотря въ глазахъ его неутолимой гнѣвъ, упала въ обморокъ, и Кади приказавъ ее отнести въ свой покой, оставилъ меня одного жертвою своей ярости. Сперва было, казалось, намѣреніе онъ имѣлъ, немедленно меня умертвить, но оное отмѣнивъ, велѣлъ связать мнѣ руки и ноги, и хотя показать всенародно примѣръ моей дерзости, покинулъ онъ меня до утра за карауломъ двухъ черныхъ невольниковъ.

Я

Я не могу довольно изъяснить, милостивой Государь, продолжалъ Абюбекеръ, мою печаль и смущеніе. Я безъ сомнѣнія видѣлъ осужденнаго себя на смерть; однако сожалѣлъ о своей жизни только въ разсужденіи Вашего Величества, и непрестанно угрызаемъ былъ совѣстію, что я одинъ тому причиною, что можетъ быть и вѣчно ваши злополучія не окончатся. Я примѣтилъ въ моихъ караульныхъ сожалѣніе о моей печали, и обѣщалъ имъ все то, что зависѣло отъ меня, естьли они дадутъ мнѣ способъ уйти. Сперва продолженія моего и слушать они не хотѣли; но одинъ изъ нихъ будучи жалостливѣе другаго, на послѣдокъ своего товарища къ тому уговорилъ: осталось только знать, какимъ бы образомъ мнѣ убѣжать. Въ семъ кабинетѣ было весьма

узенькое окошечко на улицу; они предложили мнѣ спуститься изъ онаго по веревкамъ, которыми я былъ связанъ. Я съ радостію на то согласился; меня развязали, и я началъ было производить въ дѣйство наше предпріятіе; но по нещастію окошко столь было узько, что по необходимости принужденъ я былъ донога раздѣться; я остался въ одной только рубашкѣ, и мои караульные, обѣщавъ мнѣ выбросить мое платье на улицу, съ превеликимъ трудомъ я вылѣзъ, и началъ спускаться внизъ по веревкѣ, которая по моему горю была очень коротка, а въ темнотѣ не можно мнѣ было разглядѣть, далеко ли еще до земли оставалось: но какъ для избѣжанія Кадіева гнѣва ничего инаго дѣлать мнѣ не оставалось, то вздумалъ

малъ я, чтобъ со мною ни приключилось, броситься внизъ. Я намѣреніе мое исполнилъ; но Ваше Величество, изволите сами рассудить о моемъ удивленіи, когда я почувствовалъ опутаннаго себя въ сѣти, которая нарочно подставлена была для меня, и когда услышалъ громкое хохотанье моихъ караульныхъ. Ахъ, милостивой Государь, сколь я грустилъ, и бѣсился, узная въ тотъ часъ, что я обманутъ Шагаріарою, и что она столь немилосердо мстила за всю мою къ ней любовь. Мнѣ приходило въ голову претысячу печальныхъ мыслей, и старанія мои были безполезны, чтобъ разодрать сію сѣть; она была чрезвычайно плотна. Я препроводилъ въ семъ горестномъ состояніи цѣлую ночь, которая была очень холодна, и на другой день

день къ крайнему моему стыду, весь городъ збѣжался видѣть толь смѣшное позорище. На конецъ Кади прекратилъ сію насмѣшку передъ вечеромъ: сѣть сняли, меня изъ оной вынули, и я получилъ по его приказанію пятьдесятъ изрядныхъ палочныхъ ударовъ: потомъ отдали мнѣ мое платье, и отпустили меня ночью домой. Я пришелъ туда въ крайнемъ огорченіи, не сказывая ничего моему хозяину о своемъ отсутствіи: онъ былъ изъ первыхъ свидѣтелей моего стыда; но по моему щастію меня не узналъ, и имѣлъ прискорбность слушать еще отъ него всѣ обстоятельства моего приключенія, будучи притомъ принужденъ вмѣстѣ съ нимъ тому смѣяться, чтобъ не подать ему причины думать, что я самъ былъ въ

ономъ главное дѣйствующее лицо. Ваше Величество, можете теперь вѣрить, что я скоро излечился отъ моей любви, и что послѣ такой неудачи не долго я остался въ Ширазѣ: я выѣхалъ изъ онаго на другой день; пріѣхалъ въ Ормусъ, и сѣвши на первое отправляющееся въ Индію судно, пристали мы къ острову Диву. Я и тамъ еще не могъ найти того чего искалъ; переѣхалъ нѣкоторую часть Индіи, и прибылъ на конецъ къ жилищу мудрецовъ, или Индѣйскихъ Гимнософистовъ. Они живутъ на маленькой превысокой горѣ, почти посреди самой одной долины, и окруженной на подобіе крѣпкой городовой стѣны, каменною горою. Сіе мѣсто обыкновенно бываетъ покрыто вокругъ густымъ туманомъ, который дѣлаетъ ихъ видимыми

мыми или невидимыми, какЪ то они похотятЪ сами: но конечно намѢреніямЪ моимЪ противны они не были, потому что я дошелЪ до нихЪ, и видѢлЪ тамЪ толь рѢдкія диковины, называемыя колодезь погрѢшности, источникЪ отпущенія, бочки толь полезныя Индіи, изЪ которыхЪ выходятЪ дожди и вѢтры и священный огонь, который, какЪ хвастаютЪ они, возженЪ безпосредственно солнечными лучами.

АхЪ! милостивой Государь, сколь доволенЪ я былЪ моею поѢздкою, ибо Индѣйскіе мудрецы сказали мнѢ, что я не только найду вЪ СерендибѢ птицу, упоминаемую вЪ АрапскомЪ писаніи, но еще и одного человѢка сыщу, который предопредѢленЪ былЪ для возвращенія вамЪ зрѢнія.

Я поѣхалъ отъ сего мѣста съ несомнѣнною надеждою на обѣщанія мудрецовъ Индѣйскихъ, миновалъ многіе города безъ всякаго приключенія; но проѣжжая чрезъ весьма густой лѣсъ, напали на меня восемь человѣкъ разбойниковъ, которые отнявъ у меня мою лошадь, и все то, что ни было, совѣтовали между собою зарѣзать ли меня. Нѣкототорые соглашались на сіе мнѣніе, а другіе еще безчеловѣчнѣйшіе тому противились. Одинъ изъ нихъ, имѣя подъ собою весьма худую лошадь, мою взялъ себѣ, а у своей распоровъ брюхо саблею, выпотрошилъ ее; меня раздѣлъ до нога, связалъ мнѣ руки и ноги, и посадивъ меня въ брюхо сей стервы, загладивъ кожу такъ, какбы она была зашита, и оставя сіе мѣсто съ своими товарищами, умо-

рили бы они меня неслыханною еще до того смертїю.

Я почти задохся, и безъ сомнѣнія бы испустилъ послѣднее издыханіе, естьлибъ нѣкоторые проѣзжающіе мимо того мѣста, гдѣ я лежалъ, не услышали моего стона: они искали меня долго, но одинъ изъ нихъ, подошедъ къ лошади, и примѣтя, что оный стонъ происходилъ изъ брюха сего падалища, тотчасъ бросился прочь. Товарищи его были посмѣлѣе; они оборотили лошадь, и разодравъ кожу, вынули меня оттуда съ крайнимъ удивленіемъ. Я былъ полумертвой; но лишь только почувствовалъ воздухъ, то началъ оказывать знаки жизни. Потомъ мало по малу очнувшись, расказалъ я симъ человѣколюбнымъ прохожимъ

жестокость моихъ разбойниковъ, которые слушали то съ превеликимъ ужасомъ. Я вымылся въ первомъ ручьѣ; одинъ изъ нихъ далъ мнѣ худой кафтанишка, и какъ они шли тою же дорогою, по которой надлежало и мнѣ слѣдовать, то дозволили они итти вмѣстѣ. Я пришелъ съ ними въ городъ Жинжи: мы стали на постоялой дворъ, и я несказанно удивился, увидя тамъ мою лошадь, и признавъ моихъ разбойниковъ. Я сказалъ о томъ моимъ товарищамъ: они почитали сію находку весьма щастливою, и нѣкоторые изъ нихъ, возвѣстивъ о семъ тамашнему Губернатору, привели его туда, и взяли подъ караулъ тѣхъ злодѣевъ. Они повинились въ послѣднемъ своемъ преступленіи, и въ премножествѣ другихъ: мнѣ отдали назадъ все у меня ограблен-

женное, и они наказаны были на другой день достойными казнями ихъ жестокости.

Какъ расказывая мои похожденія тѣмъ прохожимъ, которые вынули меня изъ лошадинаго брюха, между прочимъ упомянулъ, что я былъ докторъ, и что намѣреніе мое было ѣхать въ Серендибъ искать лекарства для возвращенія зрѣнія Вашему Величеству: то они весьма выхвалили мое искусство Жинжискому Губернатору, и мнѣ удалось оное доказать очень смѣшнымъ образомъ надъ однимъ его сыномъ, только я не знаю, милостивой Государь, могу ли я оное вамъ расказать съ довольною нѣжностію.

Сарама, такъ назывался сей Губернаторъ, увидя меня, крайнѣ об-

обрадовался: мнѣ сказывали, говорилъ онъ, что вы преискуснѣйшій докторъ, и я не могу въ томъ сомнѣваться, когда Царь Астраханскій послалъ васъ столь далеко для сисканія себѣ потребнаго лекарства. У меня одинъ сынъ, дней тому восемь назадъ, сдѣлался ипохондрикомъ, и ни одинъ изъ нашихъ докторовъ не могъ его излечить отъ такого дурачества: да и правду сказать, что оно совсѣмъ еще неслыханное и весьма странное; ему вообразилось, что отъ него потоплено нѣкогда будетъ все царство Баснагарское: ничто не могло истребить изъ его головы сего воображенія, и на семъ основаніи удерживаетъ онъ естественную свою воду съ такимъ непреодолимымъ упрямствомъ, что онъ безъ сомнѣнія скоро умереть можетъ,

естьли

естьли не найдутЪ средства для приведенія его ума вЪ прежнее состояніе. Это, милостивой Государь, отвѢчалЪ я, не весьма удобно сдѢлать можно, болѢзни разума гораздо труднѢе лечить, нежели тѢлесныя: но я надежно могу васЪ увѢрить, что найду кЪ тому способЪ прежде четырехЪ часовЪ. Сарама глядѢлЪ на меня сЪ удивленіемЪ: велѢлЪ тотчасЪ проводить меня вЪ свой домЪ, и велѢвЪ по моему приказанію истопить баню, ввелЪ туда своего сына. Когда увидѢлЪ я сего молодаго человѢка вЪ такомЪ почти состояніи, вЪ какомЪ мнѢ надобно было, и что не доставало кЪ его излеченію одного только хотѣнія, то вышелЪ изЪ его бани, и приказалЪ невольникамЪ Сарамовымъ кричать изо всѢхЪ своихЪ силЪ: горитЪ, горитЪ, и казать передЪ

окошками и дверьми больнаго зажженные пуки насмоленой лучины; потомъ вошелъ я опять къ нему съ притворнымъ ужасомъ: Ахъ, государь мой, вскричалъ я молодому сему человѣку, вся ваша надежда на васъ только одинхъ! Взглянитe, какое раззореніе дѣлается въ Жинжи отъ пожара, половина города ужѐ сгорѣла: пламя простирается къ вашему дому, и мы всѣ опасаемся вскорѣ погорѣть, когда вы не избавите насъ отъ общаго пожара. Сарамовъ сынъ выскочилъ изъ бани въ превеликомъ ужасѣ; да что же надобно сдѣлать для утушенія онаго, сказалъ онъ мнѣ? Ахъ, государь мой, продолжалъ я, дайте свободной проходъ водамъ вашимъ, подобнымъ Ниловымъ порогамъ, они только одни могутъ насъ предохранить отъ пожирающаго пламени.

ни. Это правда, отвѣчалъ сей молодой человѣкъ съ превеликою холодностію: я о томъ совсѣмъ не думалъ, и совсѣмъ себѣ не воображалъ, чтобъ наводненіе, которое я столь пагубнымъ почиталъ для моего отечества, и для котораго жертвовалъ моею жизнію, было ему столь полезнымъ. Потомъ склонясь на мой совѣтъ, выпустилъ онъ весьма изобильно воды, которую удерживалъ онъ чрезъ толь долгое время. Я приказалъ удалять пламя по мѣрѣ того, какъ бы сему молодому человѣку можно было увѣриться, что оное отъ него потушилось. Сіе исполнено было по самой точности, и люди, наученые мною, чтобъ притти благодарить его за спасеніе ихъ отъ пожара, окончали смѣшную сію комедію, которую всегда начинали, какъ

 скоро

скоро Губернаторскій сынЪ приходилЪ опять вЪ свое дурачество.

Сарама, милостивой Государь, благодарилЪ меня за то несказаннымЪ образомЪ: онЪ заплатилЪ весьма щедро за мои совѢты, которые столь полезны были его сыну, что на послѢдокЪ онЪ совершенно излечился, какЪ увѢдомился я о томЪ при моемЪ возвращеніи: потомЪ изЪ Жинжи поѢхавЪ я вЪ НегапатанЪ, откуда намѢренЪ былЪ отправиться моремЪ вЪ СерендибЪ: но чѢмЪ больше приближался я, такЪ сказать, кЪ пристани, тѢмЪ больше подверженЪ я былЪ ближайшей смерти. За нѢсколько уже миль отЪ сего города наѢхалЪ я двухЪ пѢшихЪ ИндѢйцовЪ, которые казались мнѢ быть весьма честные люди. Мы шли нѢсколько времени одною до-

рогою,

рогою, разговаривая между собою о всякихъ постороннихъ дѣлахъ; но какъ я былъ на лошади, и какъ отъ города уже не далеко было, то я почелъ за неучтивость, чтобъ не итти съ ними пѣшкомъ; и такъ слѣзши съ моей лошади, шелъ я спокойно съ двумя сими товарищами, какъ одинъ набросивъ мнѣ веревку на шею, оттащили меня съ дороги, и завели въ густой лѣсъ, гдѣ ограбивъ всего, бросили меня въ ровъ, глубиною около двенатцати футовъ. Сіи два злодѣя, о которыхъ я ни мало не подозрѣвалъ, привязали потомъ лошадь мою къ дереву, сѣли на краю сего рва, и смѣясь между собою моей простотѣ, дѣлили при моихъ глазахъ всѣ мои пожитки. Эй, государи мои, вскричалъ я имъ, будьте хотя сколько нибудь человѣколюбивы,

и когда не пожелали вы предать меня смерти, то не оставьте меня на снѣденіе лютымъ звѣрямъ: подайте мнѣ только мой лукъ и мои стрѣлы, чтобъ, пока я буду живъ, по крайней мѣрѣ не растерзану быть ихъ кровожадными зубами. Мои разбойники въ такой малой бездѣлицѣ мнѣ не отказали; они збросили мнѣ мой лукъ и калчанъ: однако скоро были наказаны за свой нерассудокъ, прежде нежели они успѣли встать съ своего мѣста. Я пронзилъ ихъ каждаго стрѣлою, отъ которой упали они мертвы, и скатились со всею своею добычею ко мнѣ въ ровъ. Я обобралъ у нихъ назадъ всѣ мои вещи, и положивъ ихъ одного на другаго по тѣламъ ихъ, могъ удобно вылѣзши изъ оной ямы. Потомъ сѣвъ опять на мою лошадь, поѣхалъ

своею дорогою, и проживъ нѣсколько дней въ Негапатанѣ, отправился моремъ въ Серендибъ, куда благополучно и прибылъ.

Первое мое старанiе по прiѣздѣ въ сей островъ, милостивой Государь, было то, чтобъ освѣдомиться, гдѣ могу я найти оную птицу, и я услышалъ съ крайнимъ удовольствiемъ, что она была въ царскихъ садахъ. Потомъ старался я только сыскать нужной для меня женщины, и для того велѣлъ обнародовать во всемъ островѣ, чтобъ сходились ко мнѣ всѣ жёны слѣпыхъ мужей. Ихъ пришло великое множество; я предложилъ имъ мое намѣренiе, обѣщая за то чрезвычайныя награжденiя; но не нашлась ни одна, которая бы осмѣлилась взойти на опасное дерево,

и ни одна не льстила себя быть въ состояніи возвратить зрѣніе Вашему Величеству.

Я несказанно печалился о худомъ успѣхѣ моего предпріятія, и началъ ужѐ, милостивой Государь, сомнѣваться о предсказаніи Индѣйскихъ мудрецовъ, какъ Царь Серендибской прислалъ по меня одного своего Визиря. Слухъ о моемъ похожденіи, роспространившійся по всему острову, дошелъ и до его ушей. Онъ любопытенъ былъ знать объ ономъ чрезъ меня самаго, и я имѣлъ честь, милостивой Государь, расказать ему всю вашу исторію съ самаго начала и по мой отъѣздъ, въ присутствіи одного молодаго пригожаго человѣка и одной покрытой женщины, которая казалась оное слушать съ великимъ движеніемъ.

Сей

Сей монархъ весьма сожалѣлъ о вашихъ нещастiяхъ; однако не могъ воздержаться отъ смѣха, видя меня что я много тужилъ, не сыскавъ столь добродѣтельной и цѣломудренной женщины, которая бы могла взойти на Серендибское дерево. Я слыхалъ, говорилъ онъ мнѣ, отъ старыхъ людей, что чудная птица, которая находится въ одномъ моемъ саду, есть одинъ духъ, который за двѣсти ужѐ лѣтъ въ семъ образѣ, за нѣкоторую досаду, причиненную одному изъ мудрецовъ, живущихъ на горѣ священнаго огня. Я знаю еще, что она не прежде избавится отъ своей неволи, пока одна женщина, влѣзши на верькушку того дѣрева, гдѣ она сидитъ, и почерпнувъ соку, текущаго изъ ея носа, сойдетъ съ онаго назадъ, не почувствовавъ остроты сего дѣрева,

но

но только надобно, чтобъ сія женщина толь превосходныя и рѣдкія имѣла качества, что вѣрно я надѣюсь, что духъ навсегда останется птицею, и что Царь Астраханскій симъ посредствомъ никогда не получитъ своего зрѣнія.

Предстоящая въ покрывалѣ женщина огорчилась насмѣшкою Царя Серендибскаго. Пусть, милостивой Государь, сказала она ему, хотя такая женщина и весьма рѣдко сыскаться можетъ, однако не думаете ли вы, чтобъ ужѐ и совсѣмъ подобной найти не можно было? Естьли вы хотите, государыня моя, чтобъ я открылся чистосердечно, отвѣчалъ монархъ, то думаю, что Абюбекеръ безполезно старается, и что женщина такого особливаго свойства можетъ почитаться выдуманнымъ существомъ.

Ко-

Когда такъ, милостивой Государь, отвѣчала женщина, снявъ свое покрывало, то хочу я вамъ доказать противное, и отмстить честь моего пола, которой вы столько презираете. Я сама пойду на опасное сіе древо, и не столь буду труслива какъ многія другія женщины, которыя равномѣрно какъ и я, имѣютъ всѣ добродѣтели, потребныя для восхожденія на сіе дерево, да только не довольно смѣлы и отважны. Вы, государыня моя, вскричалъ Царь Серендибской съ великимъ восхищеніемъ! Вы ли хотите итти на толь опасное дерево? Рассудивъ ли вы хорошенько это говорите? И хотя бы я вамъ въ томъ дозволилъ, однако вздумайте, что вы не имѣете всѣхъ потребныхъ къ тому качествъ, что должно для сего быть женѣ слѣпаго, и что вашъ мужъ

и-

имѣетъ оба глаза. Этимъ, милостивой Государь, не извольте безпокоиться, отвѣчала съ холодностію сія женщина, я открою вамъ сію тайну, когда придетъ время, но добродѣтель моя не дозволяетъ мнѣ болѣе медлить въ сисканіи излеченія Царю Астраханскому.

Сей монархъ, милостивой Государь, тщетно сопротивлялся желанію оной женщины; она твердо стояла въ своемъ намѣреніи, и только лишь ее уговорить могъ, чтобъ отложила она исполненіе своего предпріятія до утра. Я по приказанію царскому ночевалъ оную ночь во дворцѣ; и какъ слухъ разнесся по всему острову, что на конецъ нашлась женщина, чтобъ взойти на опасное дерево; то царской дворецъ на разсвѣтѣ дня окруженъ былъ безчисленною толпою его подданныхъ,

ко-

которые просили его о дозволеніи быть зрителями толь великаго чуда. Онъ не могъ имъ отказать сего удовольствія: вороты въ садъ отворили, и сей Государь, которому конечно оная женщина о себѣ открылась, не имѣя больше причины отвращать ее отъ своего намѣренія, велъ ее за́ руку до самаго де́рева. Тогда сняла она съ себя длинное платье, которое могло бы ей мѣшать, и взошедъ съ великою легостію по вѣтьвямъ на верьхушку онаго де́рева, наполнила золотую фляшку каплющимъ изъ птичьяго носу сокомъ, и сошла опять на низъ съ такою же удобностію, какъ и взошла на оное. Тогда воздухъ наполнился тысячекратными радостными и удивительными восклицаніями; но удивленіе зрителей еще больше умножалось, когда увидѣли, что

птица

птица полетѣла на воздухъ, а дерево такъ засохло, что не осталось на немъ больше ни одного листочка.

Царь Серендибской не могъ довольно надивиться сей женщинѣ, которая толь очевиднымъ примѣромъ доказала свою добродѣтель и супружескую любовь. Сколь благополученъ Шемсъ-Эддинъ, вскричалъ онъ, имѣть у себя такую жену! Ахъ, любезной мой Абюбекеръ, пожалуй засвидѣтельствуй ему, сколь чувствительно я радуюсь его благополучію: оно столь велико, что ничего съ нимъ я сравнять не могу.

Покрытая женщина услышала сіи похвалы съ скромностію, которая еще больше возвышала сіянія ея красоты. Что еще вамъ сказать?

зать? Милостивѣйшій Государь, продолжалъ докторъ, пробывъ въ Серендибѣ столько дней, сколько надобно было для пріуготовленія къ нашему отъѣзду; поѣхали мы оттуда будучи осыпаны благодѣяніями и щедростію могущаго и разумнаго монарха, царствующаго тамъ съ великимъ правосудіемъ и кротостію, и прибыли въ Ормусъ безъ всякаго приключенія и опасностей, которымъ обыкновенно подвержены бываютъ въ толь дальномъ мореплаваніи. Потомъ переѣхали мы всю Персію; прибыли благополучно въ Астрахань, гдѣ только лишь, милостивѣйшій Государь, сей часъ и притомъ изъ собственныхъ устъ несраненной Зебдъ-Эль-Катоны провѣдалъ я, что Абенъ-Азаръ не подлинной ея супругъ, какъ я всегда его почиталъ, и что имѣлъ я

щастіе

щастіе при возвращеніи вамъ зрѣнія, возвратить въ то же время, и не вѣдая самъ достойную вашу супругу, которую вы толь долгое время оплакивали, и безъ которой ваша радость была бы несовершенною. Дай Боже, милостивѣйшій Государь, чтобъ вы наслаждались съ несравненною вашею Царевою благополучіемъ, непрерываемымъ ни болѣзнями, ни старостію, и чтобъ по кончинѣ вашей опредѣленныя вамъ за вашу любовь райскія дѣвицы, единственное свое благополучіе поставляли въ томъ, чтобъ быть отъ васъ столько же любимымъ, какъ нынѣ неоцѣненная Зебдъ-Эль-Катона.

Желанія Абюбекеровы, который такимъ образомъ окончилъ свою исторію, имѣли совершенное дѣйствіе: Шемсъ-Эддинъ, щастливой

Шемсъ-

Шемсъ-Эддинъ, наградивъ доктора Абенъ-Азара и Бенъ-Эридуна своею щедростію, жилъ въ совершенномъ согласіи съ своею супругою, отъ которой имѣлъ многихъ дѣтей, достойныхъ наслѣдниковъ ихъ добродѣтелей, и они чувствовали еще одинъ къ другому въ престарѣлыхъ ужè лѣтахъ ту горячность, которая, кажется, свойственна быть можетъ однимъ только молодымъ людямъ.

КОНЕЦЪ.